

2nd European Conference
**on Languages, Literature
and Linguistics**

10th November, 2017

«2nd European conference on Languages, Literature and Linguistics». Proceedings of the Conference (November 10, 2017). Premier Publishing s.r.o. Vienna Prague. 2017. 72 p.

ISBN-13 978-3-903197-18-3

ISBN-10 3-903197-18-1

The recommended citation for this publication is:

Mark, Smith. Modern European Literature // Proceedings of the 2nd European conference on Languages, Literature and Linguistics (November 10.2017). Premier Publishing s.r.o. Vienna Prague. 2017. Pp. 112–117.

Editor-in-chief

Erika Maier, Germany

Petrov Vasily Borisovich, Russia

Rechad Mostafa, Morocco

International editorial board

Akhmedova Raziya Abdullayevna, Russia,

Allakhverdyan Tamara Nikolaevna, Ukraine

Belous Viktor, Ukraine

Dmitrieva Olga Alexandrovna, Russia

Ivanyan Elena Pavlovna, Russia,

Halipaeva Imperiyat Arslanbekovna, Russia

Jasna Potočnik Topler, Slovenia

Khoutyz Irina, Russia

Marszałek Paulina, Poland

Montoya Julia, Spain

Muhamed Mustafi, Macedonia

Obraztsova Olena, Ukraine

Tsersvadze Mzia Giglaevna, Georgia

Vorobyova Olga Ivanovna, Russia

Zholshayeva Maira Satibaldiebn, Kazakhstan

Zhaplova Tatiana Mikhaylovna, Russia

Proofreading

Kristin Theissen

Cover design

Andreas Vogel

Editorial office

Premier Publishing s.r.o.

Praha 8 – Karlín, Lyčkovo nám. 508/7, PSČ 18600

Email:

pub@ppublishing.org

Homepage:

www.ppublishing.org

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the Premier Publishing s.r.o., the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

Included to the open access repositories:

eLIBRARY.RU

© Premier Publishing s.r.o.

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Premier Publishing s.r.o. is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by Premier Publishing s.r.o., in Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. Linguistics

*Bakasheva Natalya Sultanovna,
teacher of English, Ramensky college,
E-mail: ms.staying@mail.ru*

THE PECULIARITIES OF NON-EQUIVALENT FINANCIAL TERMS TRANSLATION FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

Abstract: the article deals with the problem of translating non-equivalent financial terms in newspaper articles from English into Russian. The article defines a term, states its characteristics, and points out reasons for financial terms occurrence. Qualitative and quantitative analysis of the data was conducted. The translation techniques were pointed out; the most frequent translation techniques used for translating non-equivalent financial terms from English into Russian were defined.

Keywords: non-equivalent lexis, financial terms, translation techniques, description, calquing, translation replacement, generalization.

*Бакашева Наталья улановна,
преподаватель английского, Раменский колледж,
E-mail: ms.staying@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНОВ ФИНАНСОВОЙ СФЕРЫ

Аннотация: В статье рассматривается проблема перевода безэквивалентной лексики финансовой сферы с английского языка на русский язык, в современных СМИ. В статье дается определение понятия безэквивалентной лексики, а также основные характерные особенности терминов финансовой сферы, которые позволяют вычленять их из текста. Кроме того, в статье рассмотрены основные причины возникновения безэквивалентности финансовых терминов. Методом сплошной выборки проведен качественный и количественный анализ приемов перевода терминов финансовой сферы, вычленены наиболее частотные переводческие трансформации для передачи безэквивалентных терминов с английского языка на русский.

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, финансовая терминология, переводческая трансформация, описательный перевод, калькирование, переводческая замена, генерализация.

В современном мире важность и актуальность изучения проблемы перевода терминов финансовой сферы не подлежит сомнению. Она обусловлена все более усиливающимися процессами глобализации и интернационализации, расширением торгово-экономического и финансового сотрудничества, растущим объемом коммуникации в финансовой сфере. Эквивалентность исходного и конечного текстов, как известно, является одним из основных требований, выдвигаемых теорией и практикой переводческой деятельности с самого ее появления. А. О. Иванов считает, что под эквивалентом в переводе следует понимать функциональное соответствие в языке перевода, передающее на аналогичном уровне плана выражения (слова, словосочетания) все «релевантные в пределах данного контекста компоненты значения или одного из вариантов значения исходной единицы»¹. Л. Л. Нелюбин определяет безэквивалентную лексику как «лексические единицы (слова и устойчивые словосочетания), которые не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка»². В своем исследовании Н. А. Иванова приходит к выводу, что безэквивалентность вызывается расхождением референциальных значений лексических единиц исходного и переводящего языков, частным случаем, которого является полное отсутствие соответствующего понятия в переводящем языке, либо невозможность выразить референциальное значение исходного слова на аналогичном уровне плана выражения переводящего языка. Характерной чертой безэквивалентных слов является их непереводаемость на другие языки с помощью постоянного соответствия, их несоотнесенность с определенным словом другого языка. Термины, т. е. слова или словосочетания специального языка, создаваемые для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов, в большинстве своем имеют постоянные эквиваленты в других языках. Однако нельзя не принимать в расчет и существование безэквивалентной терминологии. Так, указание на принадлежность ряда терминов к безэквивалентной лексике мы находим у А. В. Федорова, а Л. Л. Нелюбин говорит о «временно безэквивалентных терминах»³. Безэквивалентными, таким образом, можно считать только те

¹ Довбыш О. В. Английская финансовая терминология и проблемы ее перевода на русский язык: На материале годовых финансовых отчетов зарубежных компаний. Текст // О. В. Довбыш. – М., – 2003. – 186 с.

² Нелюбин Л. Л. Безэквивалентная лексика. Текст // Л. Л. Нелюбин – СПб: Изд-во СПбГУ, – 2006. – 192 с.

³ Иванова Н. А. Сопоставительно-типологический анализ безэквивалентной лексики:

термины, которые являются новыми для языка перевода, отражающими некие новые для него понятия. По мнению ведущих современных теоретиков перевода, наиболее распространенными способами передачи безэквивалентных лексических единиц являются транскрипция, транслитерация, гипогиперонимический перевод, а также калькирование. Согласно данным О. В. Дробыш, подавляющее большинство безэквивалентных терминов финансовой сферы может быть передано в переводе посредством калькирования, например: *deferred tax* – отложенный налог; *fair value* – справедливая стоимость. Описательный перевод, отличающийся громоздкостью, она рекомендует использовать значительно реже, когда нет других вариантов, например: *custodian* – депозитарий, управляющий ценными бумагами акционера. Транскрипцию и транслитерацию исследователь предлагает использовать лишь в единичных случаях при переводе терминов-слов, таких, как, например, *outsourcing* – аутсорсинг. В поддержку калькирования как основного способа передачи сложных терминов выступают и М. Ю. Семина и Н. А. Трофимова. В нашем исследовании рассматривались безэквивалентные финансовые термины, встречающиеся на страницах англоязычной периодической печати. Методом сплошной выборки было отобрано 100 лексических единиц требуемой категории, имеющих, в большинстве случаев, определение на английском языке и взятых в оригинальном контексте. Материалом послужили термины финансовой сферы США, выявленные в статьях таких газет, как *The New York Times*, *The New York Post*, *The Washington Post* и *Wall Street Journal* за 2009–2014 годы. Исходный материал был разделён на группы в соответствии со способом перевода, выбранным для той или иной терминологической единицы, а именно: калькирование, замена, описательный перевод, генерализация, транскрипция/транслитерация. Было определено процентное соотношение частотности употребления способов перевода и получены следующие результаты: из 100% терминов 60% было переведено описанием, 27% – приёмом калькирования, 11% – транслитерацией и по 1% – трансформациями замены и генерализацией.

Рассмотрим примеры использования безэквивалентных финансовых терминов в статьях периодической печати и их перевода на русский язык.

“The financial crisis we’re in today stems from the invention by Drexel Burnham Lambert of the junk bond”, Martin Lipton, the super lawyer who co-founded Wachttell, Lipton, Rosen & Katz, said derisively at a conference last month. В этом примере используется финансовая реалия “Junk-bond”, которая появилась относительно давно и уже успела закрепиться на страницах СМИ. «Мусорные облигации», или как их иногда называют «Джанк облигации» (в данном случае при переводе используется приём полукальки) — это спекулятивные высокодоходные облигации,

выпускаемые, как правило, небольшими компаниями, не имеющими солидной деловой репутации. Доходность таких облигаций на 3–4% превышает доходность государственных, однако, их выпуск и реализация сопряжены с высоким риском. Обычно организация Стандарт энд Пул присваивает статус “Junk – bond” компании, находящейся на грани банкротства. Это понятие не является новым для большинства читателей новостей в области экономики и финансов, поэтому наиболее логичным будет следующий вариант перевода, в котором данный термин калькирован: Причиной финансового кризиса, который мы переживаем сегодня, послужило изобретение Дрекселем Бёрнхэмом Ламбертом мусорных облигаций “, — с иронией заявил на конференции в прошлом месяце Мартин Липтон, блестящий юрист, соучредитель компаний Wachtell, Lipton и Rosen & Katz».

Однако, при переводе терминологического словосочетания “junk-bondstatus” приём калькирования не раскрывает значение данного явления в полной мере. По нашему мнению, в данной ситуации правильнее всего будет применить приближенный перевод. Например, этот термин встречается в следующем предложении: The grades – ranging from C, or junk-bond status, to triple-A – gauge the risk that a company or a country might default on its debts.

Мы предлагаем следующий вариант перевода, где термин передан посредством описательного перевода: Шкала, варьирующая от уровня «С», показывающего, что компания находится на уровне банкротства, до уровня «AAA», даёт оценку риска невыполнения компанией или страной долговых обязательств.

Таким образом, следует подчеркнуть, что контекст и окружение безэквивалентной терминологической единицы играют одну из ключевых ролей при выборе способа перевода.

Содержание термина-реалии “The Troubled Asset Relief Program (TARP)” частично раскрыто в самом её названии. Она является основным компонентом широкомасштабной государственной кампании 2008 года, направленной на устранение кризиса субстандартного ипотечного кредитования. В рамках данной программы Казначейство США покупает неликвидные, трудно реализуемые активы банков и других финансовых учреждений с целью увеличения их ликвидности. Если воспользоваться при переводе приёмом калькирования, то название будет звучать как «Программа по спасению проблемных активов». Тем самым, для достижения понимания осведомлённым читателем значения данной реалии, не обязательно прибегать к подробному описанию. В качестве примера возьмём следующий отрывок из статьи, опубликованной в “The Wall Street Journal”: Any overhaul is likely to be tied to the Obama administration’s broader efforts to curb systemic risks to the economy. That means the new rules could apply to financial firms like hedge funds or private equity firms that never accepted money from the Troubled Asset Relief Program, or TARP. It would also mean greater oversight on

compensation for banks that are seeking to return the TARP money in an effort to avoid the new strings attached to pay. В приведенном отрывке трижды встречается вышеуказанная терминологическая реалия. В первом случае уместно применить приём калькирования, в то время как при переводе аббревиатуры, соответствующей данной реалии, достаточным будет транслитерировать её для передачи средствами русской графики. Данный приём характерен для перевода акронимов. Например, NATO (North-Atlantic Treaty Organization) обычно передаётся на русский язык как НАТО. По аналогии получаем TARP – ТАРП. Что же касается словосочетания “TARP money”, то тут ни калькирование, ни транслитерация не уместны. В данном случае наиболее оптимальным будет применить приближенный перевод – «активы», так как под “TARP money” подразумеваются именно активы банков и компаний выкупленные Казначейством. Следовательно, перевод данного отрывка будет выглядеть следующим образом: Все реформы и нововведения связаны с усилиями, прилагаемыми Администрацией Обамы для снижения систематического риска, которому подвергается экономика. То есть новые правила могут распространяться на финансовые фирмы, такие как хеджеры фонды или фонды прямых инвестиций, которые никогда не принимали деньги из «Программы по спасению проблемных активов» (ТАРП). Это также будет большим упущением для банков, стремящихся вернуть свои активы, желая избежать новых обязательных выплат».

Как было указано выше, прием генерализации при передаче безэквивалентных финансовых терминов используется достаточно редко. Связано это, в первую очередь, с тем, что финансово-экономические категории в большинстве своём являются однозначными и конкретными, и любое отклонение от первоначального значения при переводе может исказить смысл всей статьи. Поэтому переводчику следует, как можно более аккуратно обращаться с данным способом перевода. Тем не менее, это вовсе не означает, что от генерализации следует вообще отказаться. Проведённое нами исследование подтвердило, что такой приём, хоть и редко, но допустим при передаче финансовой терминологии. Полученные в ходе исследования результаты говорят о том, что наиболее часто при передаче безэквивалентных терминов, относящихся к американской финансовой сфере, используется приём описания. Приёмы калькирования и транслитерации были использованы существенно реже. Трансформация замены и генерализация, согласно полученным нами результатам, являются наименее употребительными. Переводчикам следует использовать их осторожно во избежание подмены или утраты значения терминологической единицы.

В заключение следует отметить, что терминология финансовой сферы подвержена очень быстрым изменениям. Многие существующие на сегодняшний день терминологические единицы возникли и вошли в употребление в текущем

году. Они ещё не изучены и не описаны в научной литературе, редко встречаются в текстах русскоязычных СМИ, и, соответственно, пока не попали в поле зрения теоретиков и практиков перевода. Это говорит о том, что современная финансовая терминология является перспективным материалом для дальнейших переводоведческих исследований.

Список литературы:

1. Довбыш О. В. Английская финансовая терминология и проблемы ее перевода на русский язык: На материале годовых финансовых отчетов зарубежных компаний. Текст // О. В. Довбыш. – М., – 2003. – 186 с.
2. Нелюбин Л. Л. Безэквивалентная лексика. Текст // О. А. Иванов – СПб: Изд-во СПбГУ, – 2006. – 192 с.
3. Иванова Н. А. Сопоставительно-типологический анализ безэквивалентной лексики: На материале русского, немецкого и французского языков: Дис. канд. филол. наук. Текст // Н. А. Иванова. – М., – 2004. – 260 с.
4. Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник Текст // Отв. ред. М. Б. Раренко – М.: ИНИОН РАН, – 2010. – 260 с.
5. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. Текст // Л. Л. Нелюбин. – М.: Флинта: Наука, – 2008. – 320 с.
6. Семина М. Ю. Способы перевода безэквивалентной лексики с английского языка на русский в текстах экономической тематики Текст // М. Ю. Семина, Н. А. Трофимова // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. – 2013. – № 4. – С. 67–71.
7. Суперанская А. В. Общая терминология: Вопросы теории. Текст // А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева – М.: Издательство ЛКИ, – 2007. – 248 с.
8. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. Текст // А. В. Федоров – СПб: СПбГУ, – 2002. – 416 с.

*Dr. Kapurani Evis,
University "Fan S. Noli",
Korçë,*

*Doctor of Sciences in Pedagogy,
European University of Tirana*

E-mail: eviskapurani@yahoo.com

THE INFLUENCE OF CHILDREN ON ADULTS' SECOND LANGUAGE SOCIALIZATION

Abstract: Second language socialization is really useful in learning a language and learning how to use it because there are many social factors which influence in first and second language acquisition. This paper aims to state the impact of the process of socialization on second language acquisition, children's influence on adults' second language socialization and the role of the parents in first language shift and maintenance. The data are collected through focus groups with Albanian families who live in Greece.

Keywords: Second Language Socialization, Adults, Language Shift and Maintenance.

1. Introduction

Language socialization research has traditionally chosen children as the objects of socialization rather than as its agents. Ochs and Schieffelin (1984) emphasize children's role as "socializers". Children's language use might be helpful in the language socialization of adults. We expect children to be socialized by their elders, not the other way around since adults are expected to have a deeper knowledge and a greater linguistic competence and to be responsible for their children's linguistic socialization. But if we consider immigrant communities in which families are introduced into unfamiliar linguistic territory. Parents are often seen as linguistically unable to provide the sorts of linguistic socialization necessary to their children future social and economic survival so children linguistic socialization is shifted to the school. As a result of this shift children have the possibility to have greater accesses to linguistic resources valued by the wider society and are able to acquire more quickly and effectively than their adult relatives. In the context of immigration, children's greater access to new language and language use is often accompanied by corresponding pressure on adults' speakers to acquire these competences, being in a certain way obliged to acquire them.

2. Literature review

There are three principal ways in which children act a "language socializers" of parents, within a specific sociolinguistic context according to Bayley, R. & Schecter, S. R., 2003. First: Motivated by their linguistic aspirations for their children, parents make decisions that bring the whole family into contact with new language. Second: Parents

adapt their language using in order to promote desired linguistic competencies in their children. Third: Parents learn new language varieties, or elements from their children, who have greater access to the new varieties and start to use them at home.

During early socialization activities, parents often make possible for the children to benefit from cultural values, this makes possible to understand how cultural and linguistic practices are transmitted, transformed or abandoned in a social group including the processes of language maintenance and shift, Kulick, 1992.

3. Methodology

Research question

How children influence on adults' second language socialization and what is the role of the parents in first language shift and maintenance?

Focus groups

These focus groups are conducted with Albanian emigrants who live in Greece but the results and interpretations based on three points of discussions reflect social changes related with many other countries. The focus groups contained three main points of discussions. First: the decisions that parents take in order to bring all family into contact with new language. Second: Parents tries to promote desired linguistic competencies in their children. Third: New language varieties, or elements that parents learn from their children.

The participants: 11 families which contain 21 parents and 23 children were divided in three smaller groups in order to better manage the discussions. The groups included both parents and children of the same family.

The data are analyzed according to the three points of discussion emphasizing children influence on adults' second language socialization and the role of the parents in first language shift and maintenance.

4. Results and analyses

The data collected from the focus groups are going to be analyzed according to the three principal ways in which children act a "language socializers" introduced by Bayley, R. & Schecter, S. R., 2003.

First: Motivated by their linguistic aspirations for their children, parents make decisions that bring the whole family into contact with new language.

According to their answers, parents accepted that they know that knowledge of Greek language is a great advantage to children entering school, and also that Albanian speaking children's acquisition of Greek is likely to be more effective if there is more contact with fluent Greek speakers. There are many neighborhoods populated mostly by Albanian citizens but parents have the tendency to move in neighborhoods populated more with Greek speakers and citizens than with Albanian ones. In this way their children have the possibility to be more in contact with native Greek children but it is a great opportunity for adults too to be socialized with Greek language, culture and ways of

living. Although this move might be motivated for the matters related with their children, this has direct impact even for the other family members. The moving is intended as a sociolinguistic environment where family members will have greater exposure to Greek and they will be in a certain way obliged to acquire Greek and use it regularly.

Second: Parents adapt their language using in order to promote desired linguistic competencies in their children.

This happens most frequently because of the school. When speaking Greek parents recognized the children as more advanced in their acquisition of Greek. As a result of schooling in houses in which the oldest child is less than twelve years old are more likely to have two bilingual parents, than houses in which the oldest child is older than twelve. Many Albanian speaking parents are advised by the school personnel to expand their own use of Greek in order to better support their children's need for competencies in that language. Since the children's competency in Greek may quickly surpass that of parents, such advice sometimes does more harm than good. For example, one Albanian speaking mother stated that she was instructed by her son's teacher not to speak to him in Albanian, supposing that it would influence his acquisition of Greek. In this situation the mother was faced with the emergent choice of rapidly acquiring Greek. More often, parents who already speak Greek as a second language, to a certain degree, stated that they make efforts to use it in interactions with their school-age children, often till the point where it replaces Albanian as the language of home. Older children within a family are more likely than younger ones to retain as the home language the Albanian language but, when two or more school-aged children use Greek with each other at home, socialization of the older children in the new language is more likely to occur. But parents admitted that this shift would fail to occur if they had not been socialized into this new linguistic use.

Third: Parents learn new language varieties, or elements from their children, who have greater access to the new varieties and start to use them at home.

Albanian speaking parents accepted that school-aged children have increased exposure to Greek, as the children acquire it in school and begin using it in their interactions at home (though the degree and circumstances under which this takes place are not the same). Also, parents who are not themselves educated are obliged to help their children with their homework. Even Albanian parents who do not read in Greek language often require their children to present their notebooks to them in order to see the work they did at school. Parents are obliged to help their children with their homework even though they might have difficulties in writing or understanding Greek, for this reason they try to get greater access of Greek language and the interaction with their children increases their knowledge of Greek. In other words, on one hand they learn from their children while helping them with the homework on the other hand they try to be prepared in order to assist their children. School-aged children are more exposed to Greek, in this way they learn new words and varieties every day and this in-

fluences even the interaction with the other members of the family. This increases even parents' competences in oral or written Greek.

Language socialization maintenance and shift

According to Gal, S. (1979) the range of disciplinary perspectives from which scholars have examined language maintenance and shift has led to studies that have emphasized different aspects of this phenomenon, patterns of language use are the major factors influencing children's second language development, and language socialization is closely related with interactions between children and members of family that take care of them. In case of our study children learn the complex associations with both languages Albanian and Greek, and often acquire those aspects of Albanian that are affectively noticeable in their verbal environment. Children also learn to control their language use and rarely speak Albanian especially at school. When they speak Albanian parents correct their uses. These complex language socialization practices are crucial in the language shift but also help in maintenance of Albanian. In the process of language shift Albanian and Greek have become two linked languages and two languages based on family and society relations of the children. Bilingual parents may use both languages but children are socialized to be Greek dominant and are monitored by adults for the Albanian usages. Children use Albanian with their parents but they use Greek to interact with teachers and friends, in this way they understand that Albanian and Greek have contrasting social identities and activities.

5. Conclusion

The results of the focus groups analyzed in the three points of view that emphasize the role of the children as "socializers" regarding second language socialization, show that parents try all the time to help their children with language socialization and because of them take decisions even about their ways of living. Parents also spend time in increasing their second language competencies just for their children, and by helping their children or by interacting with them in the everyday activities parents learn many new words and language varieties. Parents also play an important role in maintaining their native language.

References:

1. Bayley R., & Schecter S.R. Language socialization in bilingual and multilingual societies. – Clevedon: Multilingual Matters, – 2003.
2. Ochs E., & Scheffelin B. Language acquisition and socialization: Three developmental stories. – New York: Cambridge university press, – 1984.
3. Gal S. Language shift: Social determinations of linguistic change in Bilingual Austria. – New York: Academic Press, – 1979.
4. Kulick D. Language shift and cultural reproduction. Cambridge: Cambridge university press, – 1992.

*Sanjyarova Nailya Smadjyarovna,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Almaty University of Power Engineering and Telecommunications
E-mail: snailya@list.ru*

DEFINITION OF REDUPLICATION

Abstract: the article deals with definitions of reduplication, in which there is the notion of «duplication». Accordingly, the terms «reduplication» and «doubling» are identified by scientists. We believe that implication of doubling fully conveys the term not «reduplication», which became classical in the repetition theory, but the term «duplication», that despite its low usage, has greater conceptual accuracy and expressiveness.

Keywords: definition, reduplication, doubling, doublets, duplication.

*Саньярова Найля Смаджьяровна,
Кандидат педагогических наук,
Алматинский университет энергетики и связи
E-mail: snailya@list.ru*

ДЕФИНИЦИЯ РЕДУПЛИКАЦИИ

Аннотация: в статье рассматриваются дефиниции редупликации, в которых имеется понятие «дублирование». Соответственно, термины «редупликация» и «дублирование» учеными отождествляются. Полагаем, что сущность удвоения в полной мере передает термин не «редупликация», ставший в теории повтора академическим, а термин «дубликация», который, несмотря на малоупотребительность, обладает большей понятийной точностью и выразительностью.

Ключевые слова: дефиниция, редупликация, дублирование, дублеты, дубликация.

Любое исследование начинается со знакомства ученого с понятийно-терминологическим аппаратом, термины которого впоследствии осмысляются, уточняются и только затем активно используются в работе. Нередко исследователь пытается выразить не только свое отношение к имеющимся терминам, но и предложить альтернативный вариант, который представляется ему более точным, недвусмысленным и выразительным¹. Более того, заниматься поиском адекватных

¹ Саньярова Н. С. Синонимичность терминов в теории повтора // Сб. материалов XIII Междунар. научно-практ. конф. «Наука и образование». – Германия, Мюнхен, – 2016. – 2016 с. – 352 с. – С. 199–204; Саньярова Н. С. Понятия «редупликация» и «повторение» (на материале русского языка) // IX Междунар. конф. «Глобальная наука и инновации» (ноябрь 9–10, 2016). – США, Чикаго, – 2016. – С. 75–81; Саньярова Н. С. Понятие «редупликация» в современном русском языке // Modern Science. – М.: Институт стратегических исследований ООО, – 2016. – № 10. – 122 с. – С. 81–85.

терминов не возбраняется, так как по истечении времени все, в том числе и терминология, нуждается в обновлении. Ученые, и в частности А. М. Зарва, считают, что «основная задача научных дефиниций – служить вехами научной классификации. И поскольку классификация в любой науке постоянно изменяется по мере продвижения научного познания, дефиниции также постоянно видоизменяются. Именно поэтому им следует быть прогрессивными и временными»¹. Проводя статическое исследование текстов, автор убедилась, что именно в академических жанрах нередко используются семантические повторы, которые осуществляются в форме определения понятия.

Поиск адекватных терминов показал, что теория редупликации (повтора) располагает множеством широко известных синонимичных терминов. В настоящее время предпочтение было отдано термину «редупликация», которая по употребительности не имеет себе равных: вытеснив синонимичные термины, она стала доминирующей. И, тем не менее, термин «редупликация», по нашему мнению, не соответствует в полной мере сущности удвоения в отличие от предлагаемого нами термина «дубликация».

Заметим, что в работах по теории повтора авторы сравнительно редко приводят дефиницию редупликации. Чаще всего сущность редупликации раскрывается посредством обращения к таким терминам, как «повтор» или «повторение». Вместе с тем в отдельных статьях в дефинициях редупликации можно встретить понятие «дублирование», которое становится ключевым. Например, Е. В. Федяева пишет: «Редупликация — это дублирование звукового комплекса, передающего определенный смысл»². Следовательно, редупликация равнозначна дублированию и наоборот.

Имеются и другие высказывания, в которых редупликацию также отождествляют с дублированием. Обратимся к статье Л. В. Ворониной, где отмечается, что «редупликация не экономична, поскольку в каждом отдельном случае она представляет собой формально тождественное дублирование определенной языковой единицы»³ и что «дублирование формы может быть связано с приращени-

¹ Зарва А. М. Дефиниция как типологическая разновидность научного текста // Режим доступа: URL: <http://www.dissercat.com/content/definitiya-kak-tipologicheskaya-raznovidnost-nauchnogo-teksta>, свободный

² Федяева Е. В. Редупликация как одно из средств репрезентации неопределенного количества // Режим доступа: URL: <http://psibook.com/linguistics/reduplikatsiya-kak-odno-iz-sredstv-reprezentatsii-neopredelenno-go-kolichestva.html>, свободный.

³ Воронина Л. В. Семантические особенности редулицированных образований // Слово в языке и речи: аспекты изучения: материалы междунар. науч.-практ. конф. к юбилею проф. В. Д. Девкина. – М.: Московский пед. гос. ун-т, – 2005. – С. 76–80. – 76 с.

ем смысла»¹. В этом случае редупликация совпадает с дублированием по форме, в смысловом же отношении дублируемая форма, как правило, наделена дополнительными оттенками.

В. Д. Аракин, рассматривая удвоение в малагасийском языке, считает, что «существует значительное число слов, которые можно было бы назвать слова-дублетами»². Следовательно, большая часть редулицированных слов представляет собой слова-дублеты.

Итак, наряду с термином «редупликация» в качестве тождественных используются термины «дублирование», «дублеты». Кроме того, в лингвистической литературе можно встретить термин, сходный с дубликацией. Речь идет о термине «дупликация», который широко и активно используется в работах профессора В. А. Макаренко. В монографии «Тагальское словообразование» глава IV называется «Словосложение (композиция) и полное удвоение (дупликация) в современном тагальском языке», где полное удвоение означает дупликацию. Автор пишет: «Многообразии терминов, характеризующих словоудвоение, весьма значительно: удвоение, полное удвоение, редупликация, полная редупликация, повтор, полный повтор, парное сочетание и некоторые другие в русском языке; duplication, word duplication, full duplication, reduplication, full reduplication, repetition, repetition of the complete word, doubling, iteration, germination и некоторые другие в английском языке»³.

Широко известно, что из ряда приведенных английских терминов в теории повтора прочно закрепился, наряду с русскими, термин «reduplication», то есть «редупликация». Что касается другого термина – «duplication», то он, являясь многозначным, переводится на русский язык как «дублирование», «повторение», «удвоение», «дупликация». Подчеркнем, что термины «дублирование» и «дупликация» вошли в синонимический ряд, что является свидетельством того, что принципиальное отличие между ними не наблюдается. При этом в терминологии повтора в основном употребляются русские термины «повтор», «повторение», «удвоение», а термины «дупликация», «дублирование» («дубликация») используются сравнительно редко, они оказались избыточными и потому малоупотребительными.

Сам автор четко разграничивает редупликацию, дупликацию и повтор. Словоудвоение или полное удвоение — это дупликация; частичное или неполное

¹ Воронина Л. В. Семантические особенности редулицированных образований // Слово в языке и речи: аспекты изучения: материалы междунар. науч.-практ. конф. к юбилею проф. В. Д. Девкина. – М.: Московский пед. гос. ун-т, – 2005. – С. 76–80. – С. 78.

² Аракин В. Д. Удвоение в малагасийском языке // Языки юго-восточной Азии. Проблемы повторов. – М.: Наука, 1980. – 272 с. – С. 23–32. – С. 26.

³ Макаренко А. В. Тагальские языки. – М.: Наука, 1970. – 172 с. – С. 146.

удвоение — это редупликация как средство словопроизводства, тождественное аффиксации; повтор (полный повтор) — это синтаксическое средство, которое не образует новые слова. Подчеркивается, что назначение словоудвоения и повтора различно: « ... при соединении двух одинаковых слов в словосложении образуется новое слово, значение которого отлично от индивидуального значения составляющих, хотя и базируется на нем; при повторе не происходит образования нового слова, а лишь усиливается, подчеркивается его лексическое значение (ср. «хороший-хороший», «белый-белый» в русск.; *dinig-na-dinig* 'хорошо слышимый', *maganlang-maganda* 'красивый-красивый' в тагальск.)»¹. Безусловно, словообразовательный аспект является приоритетным лишь для словоудвоения, а синтаксический — для повтора, однако усиление и подчеркивание лексического значения характерно не только для повтора, но и словоудвоения, так как их объединяющим фактором является семантика. Семантический аспект позволил словоудвоению и повтору занять свои уникальные позиции в теории повтора, наделил их значимыми, емкими и выразительными значениями, цель которых — привлечь, заострить на них внимание коммуникантов.

Таким образом, в словоудвоении наблюдается ряд действующих в той или иной степени терминов: редупликация, дублирование, дубликация. Нам представляется, что в теорию повтора следует ввести термин «дубликация»: если в дефиниции редупликации используется понятие «дублирование», то правомерно использование по аналогии и понятия «дубликация». В теории повтора следует уточнить: во-первых, правомерно ли относить термин «редупликация» к приоритетным? во-вторых, каковы предпосылки для использования термина «дубликация» вместо термина «дублирование»? в-третьих, возможна ли замена термина «редупликация» альтернативным термином – «дубликация», значение которой в большей мере соответствует нашему представлению о парных (одинаковых) словах в теории повтора.

Схематично подчеркнем следующее. В смысловом отношении значение термина «дубликация» настолько прозрачно, что большинство коммуникантов, не задумываясь, могут перечислить ряд слов, в которых есть сема «дубль», например, дубль, дубляж, дублер, дубликат, дубликатный, дублирование, дублировать и пр., то есть термин «дубликация» не вызывает семантического отторжения, он понятен и в ухищренном толковании не нуждается. И наоборот. Значение термина «редупликация» не способствует его использованию в теории повтора, оно затемнено из-за наличия иноязычной приставки «ре», – которая наделена двойственным смыслом. Эти и другие факторы будут подробно рассмотрены нами в следующей статье.

¹ Макаренко А. В. Тагальские языки. – М.: Наука, 1970. – 172 с. – С. 147.

В заключение еще раз подчеркнем, что употребление в дефинициях редупликации понятия «дублирование» в качестве ключевого не случайно, так как дублирование, а точнее – дубликация, во многих отношениях превосходит термин «редупликация», позволяя раскрыть особенности словоудвоения.

*Sanjyarova Nailya Smadjyarovna,
candidate of pedagogical sciences, associate professor
department of language knowledge
Almaty University of Energy and Communications,
E-mail: snailya@list.ru*

*Mussabayeva Zarema Timurovna,
Senior Lecturer
department of language knowledge
Almaty University of Energy and Communications
E-mail: zarema.mussabayeva@gmail.com*

TEACHING TRANSLATION AS ONE OF THE MEANS OF TEACHING KAZAKH STUDENTS PROFESSIONAL RUSSIAN LANGUAGE IN A TECHNICAL UNIVERSITY

Abstract: The article deals with the training translation, which is a topic of studying students of the Kazakh branch of a technical college the professional Russian language. Introducing the translation supposed to be started from such translation types as free, literal and verbatim. It is believed that only after the assimilation of this terms, a smooth transition to the main translation type – adequate, which fully meets the requirements translation of scientific and technical texts, including texts on specialty «Automation and management», can be performed.

Keywords: educational translation, professional Russian language, free translation, literal translation, verbatim translation, technical text.

*Саньярова Найля Смаджьяровна,
Алматинский университет энергетики и связи,
кандидат педагогических наук, доцент
кафедры языковых знаний
E-mail: snailya@list.ru*

*Мусабаева Зарема Тимуровна,
Алматинский университет энергетики и связи
старший преподаватель
кафедры языковых знаний
E-mail: zarema.mussabayeva@gmail.com*

УЧЕБНЫЙ ПЕРЕВОД КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ-КАЗАХОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Аннотация: в статье рассматривается учебный перевод, который является темой изучения на занятиях профессионального русского языка при обучения

студентов казахского отделения технического вуза. Знакомство с переводом предлагается начать, прежде всего, с таких видов перевода, как вольный, дословный и буквальный. Полагаем, что только после их усвоения можно осуществить плавный переход к основному виду перевода – адекватному, который в полной мере отвечает предъявляемым требованиям по переводу научно-технических текстов, в том числе и текстов по специальности «Автоматизация и управление».

Ключевые слова: учебный перевод, профессиональный русский язык, вольный перевод, дословный перевод, буквальный перевод, научно-технический текст.

Перевод издавна привлекал к себе внимание человека, поскольку всегда выполнял важную роль во взаимоотношениях народов и стран. В настоящее время переводческая деятельность во всех своих разновидностях активно развивается из-за все возрастающей интенсивности международных контактов. Поэтому XXI век называют «веком перевода».

Обращение к переводу является одним из условий научно-технического прогресса, который невозможен без распространения знаний и технологий, без исследований ученых, работы конструкторов и инженеров разных стран над совместными проектами. Отсюда в международном деловом сотрудничестве значительное место отводится переводу научной литературы, который невозможен без знания терминологии, в том числе и новой.

В техническом вузе предполагается изучение основ учебного перевода, который является одним из приемов обучения студентов казахского отделения профессиональному русскому языку¹.

Цель учебного перевода в техническом вузе – научить студентов точной передаче языкового материала, четкой последовательности изложения, сжатости, логическому построению фраз, ясности и объективности, а также воссозданию мысли не только в отдельных общих чертах, но и во всех нюансах переводимого технического текста.

В научной литературе существуют различные классификации переводов, осуществляемые по многочисленным параметрам.

¹ Букейханова Р. К., Саньярова Н. С. Роль контекста в переводе научно-технического текста // Вестник АУЭС. – Алматы: АУЭС, – 2015. – № 4 (31). – С. 65–74; Букейханова Р. К., Саньярова Н. С. Обучение студентов-казахов технического вуза адекватному переводу учебных текстов // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. – Алматы: Казак университети, – 2015. – № 5 (157). – С. 160–166; Саньярова Н. С., Битимбаева Ж. К. Роль и место дословного перевода при обучении студентов-казахов профессиональному русскому языку // Доклады I Междунар. учебно-метод. конф. «Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: теория и практика». – Алматы: КазНУ имени аль-Фараби, – 2015. – С. 444–452.

По характеру и качеству соответствия текста перевода тексту оригинала выделяют, как правило, несколько видов перевода: вольный, дословный и буквальный, адекватный. Последний в учебных целях представлен нами в двух специальных разделах: 1) безэквивалентная лексика и 2) эквивалентная лексика.

В данной статье речь пойдет о трех видах перевода: вольном, дословном и буквальном. Вольный перевод (свободный) – перевод-переложение, воспроизводящий основную информацию оригинала с возможными отклонениями: добавлениями, пропусками и т. п. Этот вид перевода применяется при написании тезисов, конспектов, рефератов, аннотаций и др. в так называемом «жанре для себя». В таких случаях вольный перевод передает общее содержание оригинала, т. е. представляет собой перевод субъективный.

Исторически вольный перевод употреблялся как при бытовом и деловом общении, так и при переводе произведений художественной литературы. Однако вольный перевод не практикуется при переводе собственно научно-технической литературы, так как научный стиль требует точности и ясности изложения.

Дословный перевод (синтаксическое уподобление) – это грамматическая трансформация, при которой синтаксическая структура ИЯ (исходного языка) заменяется аналогичной структурой ПЯ (переводящего языка).

Особенность дословного перевода заключается в том, что он позволяет передавать содержание ИЯ наиболее полно и правильно на ПЯ. Кроме того, дословный перевод также называют и синтаксическим, так как при его использовании сохраняется главным образом структура предложений.

В целях облегчения восприятия материала студентами в отдельных случаях сначала приводятся примеры разговорного стиля, а затем – научно-технического.

Например, сравните русскую фразу «Бог с ними!» в значении «Пусть делают, что хотят!» в трех видах перевода:

– дословный: «*God is with them*» (англ.). – «Құдайлары өздерімен болсын!» (каз.);

– буквальный: «*God with them*» (англ.). – «Құдайлары өздерімен» (каз.);

– адекватный: «*Never mind them*» (англ.). – «Өздері білсін» (каз.).

Дословный перевод показал, что в английский вариант «*God is with them*» встроен вспомогательный глагол «*is*», который должен присутствовать по правилам грамматики английского языка. Аналогичное объяснение применимо и для казахского перевода: «Құдайлары өздерімен болсын!».

Приведенные примеры дословного перевода демонстрируют, что он неприменим к разноструктурным языкам.

Вместе с тем при регулярном использовании дословного перевода текстов разноструктурных языков наблюдается тенденция к проникновению чужеродных конструкций и оборотов в ПЯ, которые постепенно воспринимаются

носителями ПЯ как «правильные» и не вызывают отторжения. Сравните перевод научно-технического текста с русского языка на казахский: «Автоматизация производства – основа развития современного производства и ведущее направление технического прогресса». – «Өндірісті автоматтандыру – заманауи өндірісті дамытудың негізі және техникалық прогрестің ең басты бағыты». Как видим, каучно-техническая дефиниция «что есть что» (автоматизация – основа ...) передана несвойственной для казахского синтаксиса конструкцией, в которой предполагаемое сказуемое «*болып табылады*» заменено тире. Однако в потоке речи перевод данного предложения представляется большинству студентов абсолютно правильным, т. е. адекватным.

Таким образом, студенты должны осознать, что при дословном переводе структура предложения и порядок слов в ПЯ в полной мере сохраняется, а смысл текста передается в нейсвойственной ПЯ манере.

Буквальный перевод (пословный или подстрочный) – это механический перевод слов исходного текста в том порядке, в каком они встречаются в тексте исходного языка, стремящийся к сохранению формальных и семантических компонентов оригинала.

Например, в научно-техническом тексте предложение «Автоматизация теплоэнергетики занимает ведущее место» при буквальном переводе выглядит следующим образом: «Автоматизация (автоматтандыру) теплоэнергетики (жылу энергетикасының) занимает (орын алады) ведущее (жетекші) место (орын)». В итоге смысл предложения оказался утерянным.

Этот и другие примеры позволяют студентам самостоятельно сделать вывод о том, что буквальный перевод не допустим при переводе научно-технического текста, так как последний требует максимальной смысловой точности.

Однако на практике явление буквального перевода достаточно распространено, чему есть ряд объективных объяснений. Назовем два фактора, чаще всего приводящих к буквализму:

– «ложные друзья переводчиков», под которым подразумевается неправильный выбор эквивалентов в казахском языке, например: «Компьютерная мышь». – «Компьютерлік тышқан» (рус. мышь – каз. тышқан). Правильно: «Компьютер тінтуірі», где слово «тінтуір» означает «манипулятор».

– калькирование грамматических конструкций, несвойственных казахскому языку, например: «Я думаю, что все получится. – Мен ойлаймын бәрі жақсы болады. Правильно: «Бәрі жақсы болады деп ойлаймын». В научно-техническом тексте: «При отключении выключателя главные контакты размыкаются первыми». – «Сөндіру кезінде сөндіргіштің басты түйісулері ажырайды бірінші». Правильно: «Ажыратқышты сөндіргенде басты түйіселер бірінші болып ажыратылады».

Таким образом, особенности рассмотренных типов переводов научно-технического текста кратко сводятся к следующему. Вольный перевод недопустим, так как он по существу является субъективным, что непозволительно для научного стиля речи. Дословный перевод не рекомендуется использовать при переводе текстов, принадлежащих к неродственным языкам, так как сохранение структуры приводит к нарушению речевого узуса. Что же касается буквального перевода, то его использование, не учитывающее синтаксических и логических связей текста, дает отрицательный результат.

Следует отметить, что сделанные выводы сформулированы в рамках обучающего перевода. Практика показала, что перевода в чистом виде не бывает, так как элементы разных типов перевода, как правило, подвержены взаимопроникновению и взаимовлиянию, что не противоречит сути переводческой деятельности.

В заключение отметим, что изучение видов перевода на занятиях профессионального русского языка вызывает неподдельный интерес со стороны студентов-казахов, которые, обучаясь в техническом вузе, с удовольствием пробуют себя в новой для них роли – переводчика. Беседы со студентами показали, что мотивирующими факторами на занятиях профессионального русского языка по переводу являются новизна и необычность изучаемых тем. Для большинства из них привлекательна сама творческая возможность реализовать двуязычие, которое позволяет чувствовать себя свободно и уверенно при работе с переводческим материалом. Отсюда – активность и стремление студентов казахского отделения к анализу выполненных упражнений и заданий.

Çanta, Agnesa
PhD Candidate, University of Prishtina,
Kosovo & University of Tirana, Albania
E-mail: cantaaagnesa@gmail.com

SEMANTIC AND GRAMMATICAL CLASSIFICATION OF NOUNS IN ENGLISH AND ALBANIAN

In most modern languages nouns constitute the largest word class that is constantly enriched with new words. English and Albanian are no exception. Furthermore, according to Payne¹, nouns constitute one of the two major word classes in every language.

Based on semantic and grammatical criteria, English and Albanian classify this major word class into several subclasses. The two major subclasses of nouns are:

1) Common nouns; 2) Proper nouns.

Common nouns are further divided into two other subclasses:

1) Concrete nouns and; 2) Abstract nouns.

In English, these two groups of nouns are further divided into:

1) Countable nouns and; 2) Uncountable nouns.

In Albanian, on the other hand, according to Albanian academicians², there are also two distinct subclasses of nouns: 1) Collective nouns and; 2) Mass nouns.

Keis³ claims that in English, based on the semantic criterion, nouns are divided into these subclasses: common nouns, proper nouns, concrete nouns, and abstract nouns; whereas according to the grammatical criterion, they can be countable and uncountable nouns.

Greenbaum & Quirk⁴ argue that, in English, classification of nouns into common and proper nouns is as important grammatically as the classification of nouns into concrete and abstract nouns is important semantically, but that the classification of nouns into countable and uncountable nouns is important both grammatically and semantically, precisely because of the determiners that these nouns take. Hence, in many English grammars, common nouns are divided into countable and uncountable nouns that may be concrete and abstract.

¹ Payne Thomas E. *Exploring Language Structure: A Student's Guide*, Cambridge University Press, Cambridge & – New York, NY, – 2006.

² Agalliu F, Angoni E., Demiraj Sh., Dhimo A., Hysa E., Lafe E., & Likaj E., *Gramatika e Gjuhës Shqipe 1: Morfologjia (Vëllimi I)*, Akademia e Shkencave e Shqipërisë & Instituti i Gjuhësisë dhe Letërsisë. – Tiranë, – 2002.

³ Kies Daniel, *Modern English Grammar*, The HyperText Books, – 2016.

⁴ Greenbaum S. & Quirk R., *A Students's Grammar of the English Language*, 3rd edition, Longman, – London, – 1990.

In Albanian, on the other hand, common nouns are divided into concrete and abstract nouns that may be countable or uncountable, but unlike English, in Albanian, countable and uncountable nouns are not treated as distinct subclasses of nouns because all concrete nouns are countable nouns, and most of the abstract nouns are uncountable nouns.

A common subclass of nouns in English and Albanian is the subclass of collective nouns that in English occupies a peripheral position, as it is included in the major subclasses of nouns, but in Albanian, as mentioned above, it constitutes a subclass of its own. The same occurs with mass nouns that in English are included in the subclass of uncountable nouns, whereas in Albanian, they constitute a subclass of their own, even though according to Newmark, Hubbard & Prifti¹, in Albanian, these nouns are treated the same as in English, included within other subclasses of nouns, namely countable and uncountable nouns.

Common and Proper Nouns

Common nouns are the nouns that designate people, places, things and ideas in general terms, without specifying them or nouns that designate everything that is not designated by proper nouns. Common nouns constitute the majority of nouns in a language. The same applies to English and Albanian. Here are some examples of common nouns in English and Albanian:

child – fëmijë, woman – grua, student – student, country – shtet, village – fshat, neighbourhood – lagje, window – dritare, house – shtëpi, world – botë, courage – guxim, etc.

In both languages, common nouns are written with small letters, except when they begin the sentence.

Proper nouns, on the other hand, are nouns used to designate particular people, places, institutions, etc., specifically. According to Alexander², they name someone or something that “is, or is imagined to be unique.” As they are used to refer to specific entities, they do not usually take articles.

In English, proper nouns are:

- 1) Personal names – *John, Sara, Shakespeare, Mrs. Donovan, Mr. Hilton, etc.*
- 2) Names of geographical units – *Europe, Albania, London, Downing Street, etc.*
- 3) Names of months and days – *July, November, Monday, Sunday, etc.*
- 4) Names of nationalities, languages, religions – *Albanian, English, Christianity, Islam, etc.*
- 5) Names of feasts – *New Year's Day, Christmas, Bayram, Easter, etc.*³

¹ Newmark L., Hubbard P. & Prifti P., *Standard Albanian – A Reference Grammar for Students*, Stanford University Press, Stanford, California, – 1982.

² Alexander L. G., *Longman English Grammar*, Longman, New York, – 2003. – P. 49.

³ Newmark L., Hubbard P., & Prifti P., *Standard Albanian – A Reference Grammar for Students*, Stanford University Press, Stanford, California, – 1982.

- 6) Names of seasons – *Spring, Summer, Autumn, Winter*;
- 7) Names of planets – *Jupiter, Venus, Earth, Mars, Mercury*, etc.
- 8) Names of newspapers, magazines, journals – *The Times, Vogue, Focus*, etc.
- 9) Names of historic/literary periods – *The Norman Conquest, Renaissance, Enlightenment*, etc.
- 10) Names of titles – *President Obama, Queen Elizabeth, Professor Cole*, etc.

In Albanian, proper nouns are:¹

- 1) Personal names and nicknames – *Artë, Arbër, Agolli, Gashi, Asdreni*, etc.
- 2) Names of animals – *Lare, Balo, Murro, Kuqal*, etc.
- 3) Names of geographical units – *Shqipëri, Amerikë, Drin, Adriatik*, etc.
- 4) Names of institutions, organisations, enterprises, etc. – *Ministria e Financave, Farmakos; Universiteti i Tiranës*, etc.

5) Names of historic/literary periods – *28 Nëntori, Mesjeta, Klasicizmi, Rilindja*, etc.

6) Names of newspapers, magazines – *Koha Ditore, Panorama, Kosovarja, Tribuna*, etc.

7) Names of planets – *Venera, Urani, Marsi, Jupiteri, Plutoni*, etc.²

In English, except the names of seasons which may be written in two ways, with capital letters and small letters, all other proper nouns are always written with capital letters. This is one of the characteristics that distinguish them from other subclasses of nouns.

In Albanian, on the other hand, proper nouns are always written with capital letters. As seen in the examples above, names of nationalities, languages, religions, seasons, months, and days, which in English are written with capital letters, in Albanian are written with small letters³. Examples:

- a) Languages – *Albanian – gjuhë shqipe, English – gjuhë angleze, French – gjuhë frënge*, etc.

*All these documents have been written in **Albanian**.*

*Të gjitha këto dokumente janë shkruar në **gjuhën shqipe**.*

- b) Nationalities – *American – amerikan/e, German – gjerman/e, Italian – italian/e*, etc.
*My first neighbours are **American**.*

*Fqinjët e mi të parë janë **amerikanë**.*

- c) Religious feasts – *Christmas – krishtlindje, Eid – bajram Easter – pashkë*, etc.

People love Christmas because it brings families and friends together.

Njerëzit i duan krishtlindjet sepse i bashkojnë familjet dhe miqtë.

¹ Agalliu F., Angoni E., Demiraj Sh., Dhimo A., Hysa E., Lafe E., & Likaj E., Gramatika e Gjuhës Shqipe 1: Morfologjia (Vëllimi I), Akademia e Shkencave e Shqipërisë & Instituti i Gjuhësisë dhe Letërsisë. – Tiranë, – 2002.

² Newmark L., Hubbard, P. & Prifti, P., Standard Albanian – A Reference Grammar for Students, Stanford University Press, Stanford, California, – 1982.

³ Kostallari A., & Domi M., & Çabej E., & Lafe E. Drejtshkrimi i Gjuhës Shqipe, Instituti Albanologjik i Prishtinës, Prishtinë, – 1974. – P. 82–92.

d) Seasons – Spring – *pranverë*, Summer – *verë*, Autumn – *vjeshtë*, Winter – *dimër*
*We met them last **Summer/summer** while they were on holidays in Albania.*
*Ne i takuam ata **verën** e kaluar derisa ishin me pushime në Shqipëri.*

e) Months of the year – January – *janar*, February – *shkurt*, March – *mars*, April – *prill*, etc.

*My children are eager to return to school in **September**.*

*Fëmijët e mi mezi presin të kthehen në shkollë në **shtator**.*

f) Days of the week – Monday – *e hënë*, Tuesday – *e martë*, Wednesday – *e mërkurë*, etc.

*I have an important meeting with my business partners on **Monday**.*

***Të hënë**n e kam një mbledhje të rëndësishme me partnerët e mi të biznesit.*

Names of planets are proper nouns and they are commonly written with capital letters, but in both languages, nouns such as: *moon* – *hënë*, *sun* – *diell*, *earth* – *tokë*, may also be written with small letters¹. In Albanian, this occurs when such nouns are not used as astronomical terms, but in a rather general sense, e.g. *perëndimi i diellit*; *temperatura në det e në tokë është e ndryshme*; *një natë pa hënë* etc.². The same rule applies to these nouns in English. They are written with capital letters only when referred to as planets, but when used in the general meaning, they are written with small letters, and they may even take articles, e.g. *a full moon*, *the sun rose*, *a down to earth person*, etc. But, these nouns do not change the subclass of nouns to which they belong. They are used as proper nouns or common nouns depending on the context.

However, the phenomenon of turning a proper noun into a common noun and vice versa, bestowing upon them all the characteristics of the respective subclass, is quite common in both English and Albanian. In English, there are countless examples of proper nouns used as common nouns with all characteristics of this subclass. This is a phenomenon in the increase, especially in American English, mainly because globalisation has had a huge impact on powerful brands, thus names of the companies have become the names of their products. E.g.

Filofax – is the name of a famous British company that produces personal organiser wallets, but it has also become the name of its product.

Hoover – is the name of a well-known American company that produces vacuum cleaners, but nowadays, *hoover* is the synonym for the noun *vacuum cleaner*.

Xerox – is the name of one of the first and biggest companies for the production of photocopying machines, and it is also used as the name of the machine. Furthermore, *xerox* is also used as the synonym for a copy, e.g. *I need a xerox of this letter.*

¹ Newmark L., Hubbard P. & Prifti P., Standard Albanian – A Reference Grammar for Students, Stanford University Press, Stanford, California, – 1982.

² Memushaj Rami, Shqipja standarde, Si ta flasim dhe ta shkruajmë, Toena, – Tiranë, – 2005.

Names of places may also turn into common nouns, e. g. the noun “*jeans*” has its origin from the Italian city of Genoa where a kind of material similar to the material used nowadays to produce this clothing item was made, whereas the noun “*denim*” has its origin from a southern French city – Nîmes, where this material was produced, and the original name was – *serge de Nîmes* (cloth of Nîmes)¹.

Personal names may also turn into common nouns, and in such circumstances they take all the characteristics of common nouns.

In English, personal names may turn into common nouns in these cases:

1) When the origin of the thing is used to refer to the thing itself:

a) The name of the inventor is used as the name of the thing that he/she invented, e. g. the common noun *davy* (the miners’safety lamp) originates from the name of its inventor Sir Humphry Davy.

b) The name of the city/country is used as the name of the thing that originates from that city/country, e. g. *china* is the name of material that originates from China.

2) When the name of a person who is distinguished for certain qualities, positive or negative, is used to refer to people who have the same qualities. E. g. *Hercules* is used to refer to people distinguished for immense physical strength.

Albanian, as mentioned above, is not immune to this phenomenon, therefore, there are also many cases of proper nouns that have become common nouns, e. g. *Lekë, Napoleon, Amper, Om, Herc, Rentgen, Ciceron, Don Kishot*, etc., have become *lek, napoelon, amper, om, herc, rentgen, ciceron, donkishot*, etc.². But, as seen in these examples, unlike English, in Albanian, this phenomenon involves mainly personal names while other proper nouns are rarely used as common nouns.

In Albanian, it is more common for common nouns to turn into proper nouns. E. g. *Besë, Agim, Shkëmb, Shpresë, Gëzim, Shpend, Erë, Mal, Vesë*, etc.

Some of these nouns are also found as personal names in English, e. g. *Dawn (Agim), Cliff (Shkëmb), Hope (Shpresë), Joy (Gëzim), Daisy (Margaritë), Robin (Shpend)*, etc.

Concrete and Abstract Nouns

Concrete nouns are nouns used to refer to entities that can be perceived through our senses – i. e., that can be seen and touched.

Concrete nouns in English are: *book, student, teacher, school, computer, table, house, room, park, shirt, dress, bag, ocean, river, water, milk, sugar, salt, gold, silver, snow, money*, etc.

They can be countable nouns, such as: *book, student, teacher, school, computer, table*,

¹ Börjars Kirsty, & Burridge Kate. *Introducing English Grammar*, 2nd edition, Routledge: Taylor and Francis Group, – New York, – 2010. – P. 49.

² Newmark L., Hubbard P., & Prifti P., *Standard Albanian – A Reference Grammar for Students*, Stanford University Press, Stanford, – California, – 1982. – P. 127.

house, room, park, shirt, dress, bag, ocean, river, etc., in the sense that they may be used in the plural number, and they may take numerals, and uncountable nouns such as: *water, milk, sugar, salt, gold, silver, sand, money, snow, frost, oil, cheese, honey, etc.*, that do not have a plural form and do not take numerals.

In Albanian, concrete nouns are: *liber – book, student – student, mësimdhënës – teacher, shkollë – schools, plis – plis, kompjuter – computer, tavolinë – table, shtëpi – house, dhomë – room, çantë – bag, këmishë – shirt, fustan – dress, oqean – ocean, det – sea, fshat – village, qytet – city, shtet – country, etc.*, and they are all countable nouns.

The examples above indicate that there is a difference between concrete nouns in English and Albanian that concerns mainly their countability, namely all Albanian concrete nouns are countable, whereas English concrete nouns may be countable, which means that they have an individual physical existence, and uncountable, which means that they may have a physical but not “individual” existence.¹ Therefore, nouns such as: *water, milk, sugar, oil, salt, gold, silver, iron, snow, money, etc.*, in English belong to the subclass of concrete countable nouns, but in Albanian, they form a subclass of their own known as mass nouns.

In Albanian, a mass noun is defined as a word that designates a homogenous mass that can be divided and weighted, but it cannot be counted.² In Albanian, mass nouns are: *ujë – water, qumësht – milk, djathë – cheese, sheqer – sugar, kripë – salt, miser – corn, grurë – wheat, verë – wine, mjaltë – honey, ar – gold, argjend – silver, qymyr – coal, rërë – sand, hekur – iron, etc.*

In English, these nouns are also known as mass nouns, but they do not constitute a subclass of their own like Albanian mass nouns. Baskerville & Sewell³ call them “material nouns” and divide them into several groups:

- 1) Food – *sugar, salt, rice, wheat, tea, milk, etc.*
- 2) Metals – *iron, gold, silver, platinum, etc.*
- 3) Geological bodies – *mud, sand, granite, rock, stone, etc.*
- 4) Natural phenomena – *cloud, rain, snow, frost, mist, dew, etc.*

In spite of their differences, concrete nouns in English and Albanian also show some similarities. One of them concerns a group of concrete nouns referred to as “*pluralia tantum*”, namely nouns that may be used only in the plural and may not take numerals, except when accompanied by the noun *pair – palë*. These are the names of things, such as clothes, tools and accessories that consist of two parts and, in English,

¹ Alexander L. G., Longman English Grammar, Longman, – New York, – 2003. – P. 50.

² Agalliu F., Angoni E., Demiraj Sh., Dhimo A., Hysa E., Lafa E., & Likaj E., Gramatika e Gjuhës Shqipe 1: Morfologjia (Vëllimi I), Akademia e Shkencave e Shqipërisë & Instituti i Gjuhësisë dhe Letërsisë. Tiranë, – 2002. – P. 87.

³ Baskerville W. M., & Sewell J. W. An English Grammar, Project Gutenberg, – 2004.

they are usually referred to as “Bipartites”¹: *trousers – pantallona, slacks – pantallona të gjëra, shorts – pantallona te shkurtër, jeans – xhinse, breeches – kilota, pyjamas – pizhama, binoculars – dylbi, tweezers – piskatore, glasses – syze, etc.*

Abstract nouns, on the other hand, are nouns used to refer to conditions, concepts, feelings, qualities, etc., that are not perceptible and tangible – i. e. do not have physical existence. In English, abstract nouns are: *idea, remark, virtue, trouble, freedom, law, principle, skill, truth, meeting, love, honesty peace, happiness, sorrow, advice, courage, faith, etc.*

They may be countable, such as: *idea, remark, virtue, trouble, freedom, principle, skill, truth, meeting, impression, etc.*, and uncountable such as: *love, honesty peace, happiness, sorrow, sleep, advice, courage, faith, success, power, pride, comfort, compassion, etc.*

In Albanian, abstract nouns are: *liri – freedom, dashuri – love, gëzim – joy, krenari – pride, shëndet – health, frikë – fear, ndihmë – help, ide – idea, nder – honour, zhvillim – development, takim – meeting, parim – principle, hyrje – entrance, dalje – exit, sjellje – behaviour, kujtesë – memory, lëvizje – movement, marrëdhënie – relationship, të krijuarit – creating, etc.*

Likaj & Çabej² divide these nouns into three groups:

1) names of the quality – *zemërgjerësi – generousness, bukuri – beauty, mirësi – goodness, trimëri – bravery, gjatësi – length, gjerësi – width, thellësi – depth, etc.*

2) names of actions – *hyrje – entrance, dalje – exit, lëvizje – movement, sjellje – behaviour, vjelje – vintage, të menduarit – thinking, të ecurit – walking, etc.*

3) names of phenomena and features – *liri – freedom, dashuri – love, krenari – pride, shëndet – health, frikë – fear, kujtesë – memory, ndihmë – help, etc.*

Unlike English, in Albanian, most of the abstract nouns are uncountable nouns, such as: *shëndet – health, jetë – life, nder – honour, hare – gaiety, frikë – fear, të ftohtët – the cold, të errët – the dark, mendjemadhësi – conceit, zemërgjerësi – generousness, krenari – pride, etc.*, but some abstract nouns may also be used in the plural number and also take determiners: *ide – idea, liri – freedom, gëzim – joy, parim – principle, takim – meeting, zhvillim – development, lëvizje – movement, marrëdhënie – relationship, etc.* Most of these nouns fall into the same subclasses, namely they are also abstract uncountable, respectively abstract countable nouns in English as well.

Countable and Uncountable Nouns

Countable nouns are the nouns that have forms for the two numbers, namely singular and plural number and take numerals.

In English, countable nouns include:

a) names of people, animals, plants – *child, friend, neighbour, bird, cat, fish, rose, daisy, etc.*

¹ Huddleston Rodney, & Pullum Geoffrey K. The Cambridge Grammar of the English Language, Cambridge University Press, Cambridge & – New York, – 2002.

² Likaj Ethem, & Çabej Maklena. Morfologjia e shqipes standarde, Ribotim i plotësuar dhe i përmirësuar, Julvin, Tiranë, – 2013. – P. 45.

- b) names of things – *car, house, television, dress, shirt, room, carpet, lamp, boat*, etc.
 - c) names of the measurements units – *metre, inch, mile, gram, pint, hour, minute, second*, etc.
 - d) names of the society units, linguistic units, etc. – *couple, family, nation, words, sentences*, etc.
 - e) names of the currency – *dollar, euro, pound, franc, lira, yen*, etc.
 - f) names of the parts of a wholeness – *atom, element, part, fragment, piece, slice, drop*, etc.
 - g) some abstract nouns – *idea, remark, skill, principle, scheme, nuisance, sake*, etc.
 - h) some collective nouns – *family, class, government, army, orchestra, flock, bunch*, etc.
- The noun “*sake*” does not take the indefinite article “*a*”, but it is used in expression such: *for my sake, for (all) our sakes, for the sake of peace*¹.

Unlike English, in Albanian, countable nouns are all concrete nouns and some abstract nouns. (See examples above).

In English, uncountable nouns include:

- a) names of substances and solid materials – *bread, rice, sugar, butter, cotton, gold, steel*, etc.
- b) names of liquids and gases – *water, wine, milk, tea, coffee, air, oxygen, steam, smoke*, etc.
- c) names of languages and school subjects – *Albanian, English, maths, chemistry, psychology*, etc.
- d) names of sports – *football, basketball, tennis, skiing, swimming, judo, boxing, bicycling*, etc.
- e) some abstract nouns – *equality, democracy, patience, courage, peace, safety, sleep*, etc.
- f) gerunds – *reading, cooking, camping, swimming, listening, drinking*, etc.

Uncountable nouns are also some other nouns such as: *news, traffic, information, homework, advice, money, furniture, weather, clothing, hair, jewelry*, etc., that also do not have plural forms and do not take neither numerals nor the indefinite article *a/an*. E. g.

I need some advice. not *I need some advices.**

I need a piece of advice. not *I need **an** advice.**

However, there are some abstract uncountable nouns that in a particular sense may take the indefinite article *a/an*, e. g. *a help, a relief, a knowledge, a dislike*, etc.²

In Albanian, uncountable nouns, as explained above, are most of the abstract nouns and mass nouns. Furthermore, all above-mentioned nouns in English, except the nouns: *news, information* and *advice*, are uncountable nouns in Albanian as well.

¹ Karlovcan, Vjekoslav, A survey of English grammar, Nakladni zavod Matice hrvatske, Zagreb, – 1989, – P. 144.

² Thomson A.J., & Martinet A. V. A Practical Grammar of English, Fourth Edition, Oxford University Press, Oxford & – New York, – 1991. – P. 25.

Even though generally known as uncountable nouns, mass nouns may also be used as both countable and uncountable nouns in both languages, English and Albanian, to refer to the different kinds of products such as: *djathëra-cheeses, vajra-oils, verëra-wines, ujëra-waters, hekura-irons*, etc.¹

A special group of nouns that English and Albanian have in common is a group of mass nouns that may be treated as countable and uncountable nouns depending on the context in which they are used. They are usually treated as countable nouns when used as single objects, whereas, when used to refer to the material out of which those particular objects are made, they are treated as uncountable nouns² E. g.

*Tom bought Emma **an iron** as a wedding gift.*

*Tomi ia bleu Emmas **një hekur** si dhuratë martese.*

***Iron** is used for the production of expensive furniture.*

***Hekuri** përdoret për prodhimin e mobiljeve të shtrejta.*

Some mass nouns such as *coffe, tea, milk, wine, beer, cheese*, etc., may also be used with cardinal numbers to refer to the quantity of drinks and food. This is a common occurrence in daily conversations in both languages. E. g.

*I had **a coffe** in the morning. (a cup of coffee)*

*E piva **nje kafe** në mëngjes. (një filxhan kafe)*

*John had **three beers** before he went home. (three glasses of beer)*

*Xhoni piu **tri bira** para se të shkante në shtëpi. (tri gota birë)*

*Andy had two slices of bread with **a cheese**. (a serving of cheese)*

*Endi hëngri dy riska bukë me **një djathe**. (një copë djathë)*

According to Berry³, in English, there are nouns that may be treated as countable or uncountable nouns depending on whether they are used in the standard language or in the dialects. Thus, he takes the example of the noun *staff* that can be countable and may consequently take the indefinite article “a” – *a staff*, but in Standard English, the same noun is usually used as an uncountable noun, therefore instead of “a staff”, the phrase “a member of staff” is used.

Collective Nouns

Collective nouns are nouns that refer to groups of people, animals or things as single units.

In English, most of the collective nouns are countable nouns, they have plural forms, and they may be used with numerals and articles. E. g.

*Members of distinguished **families** have attended the charity reunion.*

¹ Newmark L., Hubbard P., & Prifti P., Standard Albanian – A Reference Grammar for Students, Stanford University Press, Stanford, California, –1982. – P. 130.

² Alexander L. G., Longman English Grammar, Longman, – New York, – 2003.

³ Berry Roger. English Grammar, A resource book for students, Routledge, London and – New York, – 2012.

Our two governments have reached an agreement to stop the illegal emigration.

A bunch of keys could be seen on the floor of the living room.

In Albanian, on the other hand, all collective nouns are uncountable nouns, thus they do not have plural forms and may not be used with numerals. Plurality expressed by these nouns is presented as a whole, inseparable into units, thus uncountable.¹ This helps to identify them easily and not confuse them with countable nouns in the plural, such as: *gratë* – women, *burrat* – men, *fëmijët* – children, etc.

In Albanian, collective nouns are mainly formed with these stressed suffixes:²

1) – (ë)ri – pari – the leading people/leaders, *djalëri* – boyhood, *vajzëri* – girlhood, *grari* – womanhood, *beqari* – bachelorhood, *punëtori* – workpeople, etc.

2) – (ë)si – miqësi – friendship, *pleqësi* – a group of elderly people, *fshatarësi* – peasantry, etc.

3) – je/-im – gjindje – a group of people/crowd, *njerëzim* – a group of people/humanity/mankind, *rruzullim* – the universe, etc.

As collective nouns in Albanian are uncountable, they usually take a verb in the singular number, although according to Newmark, Hubbard & Prifti³, in Albanian, especially in daily speech, several collective nouns such as *rini*, *gjindje*, *pleqëri*, *fshatarësi*, *punëtori*, *djemuri*, etc., may be used with verbs in the singular and plural number. In the Gheg Dialect of Albanian spoken in Kosovo, they are more frequently used with verbs in the plural. E. g.

Gjindja muntohej/mundoheshin ta bindnin të hiqte dorë nga hakmarrja.

The crowd was/were trying to convince him/her to give up revenge.

As most of the collective nouns in English are countable nouns, this means that they may take verbs in the singular and the plural number. But these nouns may take a verb in the singular or in the plural even if they are used in the singular number. If a collective noun is followed by a verb in the singular, this means that it refers to the individuals within the group, whereas, if it is followed by a verb in the plural number, this means that it refers to the group as a whole⁴.

The orchestra has/have performed some of the most beautiful pieces of classical music.

When a collective noun is used to refer to the individuals within the group, and not the group as a whole, not only the verb, but also the pronoun should be in the

¹ Likaj Ethem, & Çabej Maklena. Morfologjia e shqipes standarde, Ribotim i plotësuar dhe i përmirësuar, Julvin, – Tiranë, – 2013. – P. 45.

² Agalliu F., Angoni E., Demiraj Sh., Dhimo A., Hysa E., Lafe E., & Likaj E., Gramatika e Gjuhës Shqipe 1: Morfologjia (Vëllimi I), Akademia e Shkencave e Shqipërisë & Instituti i Gjuhësisë dhe Letërsisë, – Tiranë, – 2002. – P. 86.

³ Newmark L., Hubbard P., & Prifti P. Standard Albanian – A Reference Grammar for Students, Stanford University Press, Stanford, California, – 1982. – P. 129.

⁴ Greenbaum. Sidney, The Oxford English Grammar, Oxford University Press, – New York, – 1996.

plural number¹. Nevertheless, cases of using a collective noun in the singular number with verbs and pronouns in the plural number are rather rare in American English. They are more common in British English.

There is a small group of collective nouns that are mainly used in the singular number but may be followed by a verb in the singular or plural number, e. g. *youth, gentry, nobility, clergy*, etc.

The clergy is/are expected to promote the religious tolerance among people.

There is also a group of collective nouns used only in the singular number, but followed by a verb in the plural, e. g. *police, cattle, poultry, vermin*, etc.

The police are working hard to decrease the crime rate in our country.

The cattle are seen running wild in Mrs. Colton's estate.

These nouns constitute a very particular group of collective uncountable nouns in English, which, despite their singular form, always take a plural verb. However, in American English, the noun *police* is often used with a verb in the singular, and this American tendency seems to have influenced the British, including the BBC journalists, who have also started to use the noun with a verb in the singular. E. g.

*The police **have/has completed** the investigation.*

This special group of nouns that Payne² refers to as “*collective plurals*” consists of only six nouns: *people, cattle, swine, fowl, vermin* and *kine*, and, unlike collective nouns that may be singular and plural, they are “grammatically and semantically plural”, and “they contrast with regular plural nouns in that they emphasize the collection as a whole, rather than individual members.”

A noun that often causes confusion among foreign learners of English because of its meanings is undoubtedly the noun *people*. According to English Oxford Living Dictionaries³, *people* is a collective noun, and it is commonly treated as a collective noun. However, we have to partly agree with Payne who claims that *people* belongs to the group of “*collective plurals*” and not collective nouns. *People* (njerëz) is definitely not a collective noun when it is used as the plural form of *person* (person/njeri), and when it refers to two or more individuals or human beings. Nevertheless, when the noun *people* (popull) is used to refer to “a body of persons that are united by a common culture, tradition, language, etc., and that constitute a politically organised group”⁴, and when its plural form is *peoples* (popuj), it may be treated as a collective noun. E. g.

¹ Nelson Gerald, & Greenbaum Sidney, *An Introduction of English Grammar*, Third Edition, Routledge, – New York, – 2013. – P. 128.

² Payne Thomas E. *Understanding English Grammar: A Linguistic Introduction*, Cambridge University Press, Cambridge & – New York, – 2011. – P. 120–121.

³ English Oxford Living Dictionaries, *Matching Verbs to Collective Nouns*, Oxford University Press, – 2017.

⁴ Merriam-Webster's Dictionary of English Usage, *Encyclopaedia Britannica*, – 1996. Retrieved from: URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/people>

People are the strangest creatures in the world. (Njerëzit janë krijesat më të çuditshme në botë.)

Albanians are an extraordinary people. (Shqiptarët janë një popull i jashtëzakonshëm.)

Peoples of the Balkans are trying to bring peace and stability to the region.

(Popujt e Ballkanit po mundohen të sjellin paqe dhe stabilitet në rajon.)

As seen in these examples, when used as a collective noun in the singular number, *people* is used with a singular verb, whereas, when used as a collective noun in the plural number – *peoples*, it is followed by a plural verb. Although, it has to be emphasized that, as a collective noun, *people* is rarely used in the singular number.

References:

1. Agalliu F., Angoni E., Demiraj Sh., Dhimo A., Hysa E., Lafe E., & Likaj E., Gramatika e Gjuhës Shqipe 1: Morfologjia (Vëllimi I), Akademia e Shkencave e Shqipërisë & Instituti i Gjuhësisë dhe Letërsisë, Tiranë, – 2002.
2. Alexander L. G. Longman English Grammar, Longman, – New York, – 2003.
3. Baskervill W.M., & Sewell J. W. An English Grammar, Project Gutemmborg, – 2004.
4. Berry Roger, English Grammar, A resource book for students, Routledge, London and – New York, – 2012.
5. Börjars Kirsty, & Burridge Kate, Introducing English Grammar, 2nd edition, Routledge: Taylor and Francis Group, – New York, – 2010.
6. English Oxford Living Dictionaries, Matching Verbs to Collective Nouns, Oxford University Press, – 2017. Retrieved from: URL: <https://en.oxforddictionaries.com/grammar/matching-verbs-to-collective-nouns>
7. Greenbaum S., & Quirk. R. A Students's Grammar of the English Language, 3rd edition, Longman, – London, – 1990.
8. Greenbaum Sidney, The Oxford English Grammar, Oxford University Press, – New York, – 1996.
9. Huddleston Rodney, & Pullum Geoffrey K. The Cambridge Grammar of the English Language, Cambridge University Press, Cambridge & – New York, – 2002.
10. Karlovcan Vjekoslav. A survey of English grammar, Nakladni zavod Matice hrvatske, Zagreb, – 1989.
11. Kies Daniel. Modern English Grammar, The HyperTextBooks, – 2016.
12. Kostallari A., & Domi M., & Çabej E., & Lafe E. Drejtshkrimi i Gjuhës Shqipe, Instituti Albanologjik i Prishtinës, Prishtinë, – 1974.
13. Likaj Ethem, & Çabej Maklena. Morfologjia e shqipes standarde, Ribotim i plotësuar dhe i përmirësuar, Julvin, – Tiranë, – 2013.
14. Memushaj Rami. Shqipja standarde, Si ta flasim dhe ta shkruajmë, Toena, Tiranë, – 2005.

15. Merriam-Webster's Dictionary of English Usage, Encyclopaedia Britannica, – 1996. Retrieved from: URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/people>
16. Newmark L., Hubbard P. & Prifti P. Standard Albanian – A Reference Grammar for Students, Stanford University Press, Stanford, California, – 1982.
17. Nelson, Gerald & Greenbaum, Sidney, An Introduction of English Grammar, Third Edition, Routledge, – New York, – 2013.
18. Payne Thomas E., Exploring Language Structure: A Student's Guide, Cambridge University Press, Cambridge & – New York, – 2006.
19. Payne Thomas E., Understanding English Grammar: A Linguistic Introduction, Cambridge University Press, Cambridge & New York, – 2011.
20. Thomson A. J., & Martinet A. V. A Practical Grammar of English, Fourth Edition, Oxford University Press, Oxford & – New York, – 1991.

Section 2. Literature

*Dr. Evis Kapurani,
University "Fan S. Noli",
Korçë,
Doctor of Sciences in Pedagogy,
European University of Tirana
E-mail: eviskapurani@yahoo.com*

SHAKESPEARE AND WOMAN CHARACTER IN LOVE AND JEALOUSY TRAGEDIES

Abstract: This article aims to show how William Shakespeare describes the Renaissance woman with all her characteristics and how is she integrated in the mentality of the time society. This is done through a general subjective interpretation and analyses of woman character that Shakespeare has created in his love and jealousy tragedies. How Shakespeare reflects Renaissance distinction between masculine and feminine characteristics where women are controlled by men in their lives?

Keywords: Renaissance, feminine characteristics, class differences.

Introduction

In Shakespeare's plays women characters spread the ideology of his time and his plays show the way how the society of that time functioned. He reflects Renaissance distinction between masculine and feminine characteristics where women are controlled by men in their lives. Men are described as active, do different works, have rights etc. while women are described as passive, obedient, naive, in love, prone to destiny etc. The man character is a father and a husband who decides everything, the woman character is a daughter or wife obedient and dutiful. He has also created women with mix feminine and masculine characteristics or disguised as men to show their qualities. The high-class educated women are described as obedient, honest and wise being able even to lead or offer solutions maybe better than man could. The lower-class women are the female characters that are sexually aware about themselves. Shakespeare allows more freedom to them, to explore their sexuality. Perhaps because their low-status renders them socially harmless. However in Shakespeare's plays women are

never totally free. Shakespeare includes even tragic innocent women who are pure at the beginning of the play and tragically die from their naivety and innocence. When their innocence is taken away they are killed or suicided to signify this loss, such as Desdemona in "Othello".

"The Merchant of Venice"

The plot

This tragedy takes place in Venice. The place when Renaissance started. Even though a developed city the people suffer from prejudice. Here is shown the balance of power between majority and minority. Antonio is a Christian, the merchant of Venice. He asked money to a Jew named Shylock for his friend Bassanio. They made a bond. If Antonio would not pay in time the Jew would take from him a gaunt of meat closer to his heart. Antonio loses his ships and had to pay the bond. But there is even another story. Portia is a wealthy heir and her father has let three caskets to decide her destiny. The man who would open the right casket would marry her. The caskets were one of gold, one silver and one lead. The friend of Antonio, Bassanio open the right one and marry Portia. She disguised helps Antonio in the court counter Shylock. Shylock has a daughter Jessica who escapes from his house and marry her lover Lorenzo. Nerisa is the servant of Portia she marries Gratiano another friend to Antonio. Shylock loses the court and is obliged to become a Christian. In his case this is the tragedy of man and of the human being. Antonio, Bassanio, Portia, Jessica, Lorenzo Nerisa, Gratiano live happily ever after enjoying their love and friendship in Belmont. Shylock loses all his fortune, his daughter and his dignity.

Portia

Portia is the most powerful woman of Shakespeare plays. No other writer of the period could find the charming combination of womanly grace, dignity and playfulness as Portia. She is wise and full of knowledge. The most important thing about Portia is the Mercy Speech because is the defining moment in the play she is more intelligent then she realizes herself. She disguises as a man and saves Antonio from the terrible bond. She is rich beautiful, smart and dressed like a man she directs very well the court. Better than a man could. It is difficult to win towards her arguments. She shows her ability to play a significant role in society even though she is disguised as a man. She is well educated and a high-class woman. Being really precious her father has created the casks in order to be sure that only the right man would have the possibility to marry her. Besides her dignity and sweetness which show her sex in general, she is individualized by particular characteristics to herself which are her high mental power, her enthusiastic temperament her decision of purpose and her spirit. She has a warm spirit which is capable to love profoundly. The quickness with which she perceives the legal advantage maybe taken as the spirit of adventure. In the court she maintains a calm self-command carrying it till the end. She keeps whole court in suspense up agony. She

realizes it very well and saves Antonio, her husband's friend and punishes Shylock. If she went as a woman her words would have never been heard this shows woman inferiority upon man even in a developed city such as Venice. Why Shakespeare chooses Portia and not a man? The answer of this question is: to show that woman is strong, powerful, and wise not as it was thought to be in that time and he wants to satirize male superiority a radical concept for his time. Because in the 15th century women were a member of society only to be silenced at the hand of their husband they often were victims of bad treatment and their voice would never be listened even though they might be wise or educated. Portia like other women has always been the victim of the belief that it is not a good thing for women to be intelligent. She has hidden her intelligence and now she masquerade as a man. She has the right to use it. But she still remains a woman in Elizabethan society and is her father who has prepared the way to her destiny not she herself.

Jessica

Jessica is the daughter of the Jew Shylock. She has been dutiful to her father until she falls in love with Lorenzo. She decides to escape from her house because her father would never permit their marriage because Lorenzo was a Christian. Jessica is a heroine of herself. Escaping from her father's house she escapes from the mentality that the woman had not right to decide about her husband and that she was not clever enough to make the right choice. She is the best example of freedom. Because Portia is wise but she makes the choice as her father wanted and she has not courage to do not accept the father's will even though he was dead. Jessica creates the new ideas about the character of woman in the following centuries such fighting about their rights, freedom and equality.

Nerisa

Nerisa is the servant to Portia and also her friend. She is a clever and confidential woman who has taught a little of her Lady's elegance and romance. She is lively and sententious and falls in love and marries with a talkative guy, Gratiano. Nerissa shows also the woman who decides by herself about her destiny and marriage. She being the servant to Portia is putted in the play by Shakespeare to fulfill her Lady's cleverness and free decision in life.

These women Portia, Nerissa, Jessica have no mother included in the play. Shakespeare has made this to show that the role of the woman was just to bring her child in life finishing here her duty. And now are the others who take in command of their lives.

“Othello”

The plot

The tragedy of “Othello” is called the tragedy of jealousy. The play takes place again in Venice. In a developed city which is full of prejudice. Jago the most intriguing man uses his intellects to take in his hand the fate of Othello. He hates Othello and destroys him. Jago has three reasons of doing this: firstly he wanted the post of Cassio, secondly

some rumors said that Othello has betrayed him with his wife Emilia and thirdly he wanted Desdemona and never arrived her. Shakespeare wants to show in this play how harmful can be the human jealousy and evil mind. And if man can not arrive what they want in life they start using their intellect to do bad to others because of jealousy. On the other hand jealousy that derives from love causes death and destruction to the human being.

Desdemona

She is the daughter to Barbantio and wife to Othello. She is distrusted by thus who she loves and trusts the most. Barbantio refuses her because cannot believe that his daughter loved a moor. And her husband kills her thinking that she betrayed him with Cassio. But she just tries to help him with her good heart and with her sweetness. Naive as she is finds it impossible to believe that a woman could be unfaithful. The depth of her love for Othello makes her a victim of fate. Her innocence and naivety makes her a great victim of her destiny and of her life. And to conclude she is a victim of jealousy even though her husband loved her too much he kills her. She dies at the end because is too good and sensitive to survive in the time and in the harsh social reality. Her whole character consists in having no will of her own but obedience. At the beginning she looks as strong when she opposes her father to marry the moor. She shows herself as an independent woman after being a good and sensitive daughter. At the end she becomes again victim of obedience and weakness and this time not to a man being her father but to a man being her husband.

Emilia

She is the wife of Jago but not loved by him, she is loyal to him and with her naivety is friend with Desdemona the woman that Jago loves. She becomes part of Jago's complot and gives him the Desdemona's handkerchief and never tells nothing about that to Desdemona. Desdemona trusts her but she becomes the source of Othello anger and is not as innocent as Desdemona because she says that in the right circumstances she will commit adultery. For this reason Shakespeare punishes her for her "nasty" mind and she is stabbed by her husband.

Bianca

She is the Mistress to Cassio and plays a limited but significant role in the play. As Cassio's girlfriend she gives him Desdemona's handkerchief to have a copy of it as a proof of Desdemona's unfaithfulness. Cassio makes this without knowing whom this handkerchief was. She is implicated in Cassio's wounding by Jago even though she is innocent and is Jago who stabs Cassio in the dark. She survives because is a strong character, being a low-class society woman, Shakespeare gives her more freedom and strength.

Conclusion

Both these plays take place in Venice a developed city but full of prejudice and differences between high and low class society. The city is shown in two sides, one

as the city of love and with educated and intelligent women and the other as the city of jealousy and evil minds. Shakespeare has created in these plays women characters heroines to love and fatal to jealousy. He worked with his plays during the monarchy of Elisabeth I and took his name as the greatest English Language writer and exploration of the human nature. He analyzed women in all points of view collecting from his different plays all their characteristics. By analyzing Shakespeare's women characters in this plays we can understand better the ideology of the time concerning the differences between high-class and low-class women. We can also understand better women behavior toward love marriage and jealousy.

References:

1. Bamber Linda, *Comic Women, Tragic Men: A Study of Gender and Genre in Shakespeare*. Stanford: Stanford University Press, – 1982.
2. Dusinberre, Juliet. *Shakespeare and the Nature of Women*. London: Macmillan, – 1975; 2nd ed. New York: St. Martin's Press, – 1996.
3. Garner, Shirley Nelson and Madelon Sprengnether, eds. *Shakespearean Tragedy and Gender*. Bloomington: Indiana University Press, – 1996.
4. URL: https://www.bookrix.com/book.html?bookID=bx.shakespeare_1212068983.0453560352#0,486,80280
5. URL: https://www.bookrix.com/book.html?bookID=bx.shakespeare_1212070202.9990799427#0,486,117702

Section 3. Philology and linguistics

*Adjabi Yassine,
Osteuropäische Nationale Lesja-Ukrainka Universität
Dr. Phil, Lehrstuhl für deutsche Philologie
E-mail: yacine-c@hotmail.de*

DIE SPRACHE ALS UNERLÄSSLICHES VEHIKEL DER KULTURELLEN IDENTITÄT

Als eine alltägliche und ständige Tätigkeit der Menschen findet Kommunikation zu jeder Zeit an jedem Ort statt, allerdings keineswegs nur zwischen Angehörigen einer Sprachgemeinschaft bzw. einer Kultur. Im Laufe der Internationalisierung und Globalisierung nehmen interkulturelle Begegnungen drastisch zu. Solche Begegnungen gehen mit bestimmtem Ziel auf verschiedene Art und Weise in ihrer Komplexität vorstatten.

Kultur wird im Allgemeinen als ein wesentliches und unausweichliches Element beim Auftreten des Sprachverhaltens im Laufe des kommunikativen Prozesses angesehen, weil die Sprachpersönlichkeit verschiedenartige Eigenschaften einschließt, die durch den kulturellen Aspekt geprägt sind. Die Menschen und ihre Kulturen werden häufig je nach ihrem kommunikativen Verhalten gegeneinander verurteilt und eingeschätzt, da die Sprache der Träger des kulturellen Lebens der Gemeinschaft ist und mittels deren alle Aspekte der Sprachpersönlichkeit wahrgenommen werden können.

Der übliche Charakter der Menschen ist großenteils dadurch gekennzeichnet, nicht zu viel und nicht gerne zu sprechen, weil sie dies auch auf sehr unterschiedliche Weise tun. Die Struktur der Sprachen ist dabei offenbar vor allem durch ihre kulturelle Vorgeschichte geprägt und nicht durch die Prinzipien für die Sprachverarbeitung im Gehirn. Die Kultur wirkt überwiegend auf die Entwicklung des menschlichen Sprachverhaltens aus.

Kultur entspricht der gelebten Tradition der Praktiken, durch welche Sprachverhalten erzeugt bzw. ausgedrückt wird, und die sich im Verhalten der Menschen auch verkörpert. Eine Kultur enthält die „*Landkarten der Bedeutung*“, welche Dinge für ihre Mitglieder verstehbar macht. Diese sind in den Formen der gesellschaftlichen Organisation

und Beziehungen objektiviert. Kultur ist die Art, wie die sozialen und sprachlichen Beziehungen einer Gruppe strukturiert und geformt sind; aber sie ist auch die Art, wie diese Formen erfahren, wahrgenommen, verstanden und interpretiert werden¹.

Der große Einfluss der Kultur auf die Sprache und die Art der Bezüge zwischen den beiden ist nach Roche J. in einem Eisbergschema anschaulich darstellbar. Unmittelbar werden im Umgang mit Menschen u. a. nur Sprachen, Kunst und Essen wahrgenommen. Dieser wahrnehmbaren Ebene liegen grundsätzliche Faktoren wie kulturtypische Wertesysteme, Einstellungen und Konzepte zugrunde. Die Sprache wird von diesen Faktoren geprägt und gesteuert, und nur unter deren Einbeziehung kann Sprache gedeutet und verstanden werden.

Laut der kognitiven Theorie wird Kultur als „*System von geteilten Kenntnissen*“ definiert. Shore C. bezeichnet diese als die Interaktion zwischen Kognition und Handeln. Jede Form des Wahrnehmens, Denkens und Handelns wird durch das konkrete Erleben innerhalb einer Gruppe gebildet. Er fasst somit Kulturen als mentale Schemata oder Modelle auf. Diese werden durch menschliche mentale Prozesse erzeugt und kategorisieren das menschliche Weltwissen. Auf der Grundlage des konkreten Erlebens bildet das Individuum zwei kognitive Modelle, welche er als Basis-Schemata (*foundational schemas*) und institutionalisierte Modelle (*instituted models*) bezeichnet. Die zwei letzten Ebenen sind mentale Modelle, in denen das erworbene Wissen abstrahiert und kategorisiert wird².

Die Basis-Schemata sind stark abstrahierte kulturelle Modelle, die aus tradierten Konventionen einer Gemeinschaft entstehen und in sehr unterschiedlichen Lebensbereichen effektiv sind. Diese Modelle sind innerhalb einer Kulturgemeinschaft meist verinnerlicht und den Individuen gar nicht bewusst. Allerdings werden sie vom Individuum nicht einfach übernommen, sondern im konstruktivistischen Sinne als spezifisch persönliche Formen erschaffen.

Die lexikalische Realisierung von kulturellen mentalen Schemata zeigt unmittelbar die Verwobenheit von Sprache und Kultur. Jedoch reflektiert sich die Kultur nicht nur im Wortschatz einer Sprache, sondern sie drückt sich auch in anderen Sprachbereichen wie der Semantik und der Pragmatik aus und lässt sich bis zur Grammatik einer Sprache verfolgen.

Wie differenziert und ausgeprägt die dynamischen Wechselwirkungen zwischen Sprache und kulturellen Schemata sind, zeigt sich vor allem auf der semantischen Ebene der Sprache. Mithilfe von psychotherapeutischen Wortassoziationsexperimenten, die Begriffsfelder in verschiedenen Sprachen kontrastieren, Korpus basierten Analysen zur kognitiven Semantik und zu konzeptuellen Metaphern und anderen psycho-

¹ Hall S. Cultural Studies: Two Paradigms. In: Collins, Richard et.al. (Hg.): Media, Culture and Society. A Critical Reader. – London, – 1986. – 39 s.

² Shore C., Wright S. Audit Culture Revisited. Current Anthropology. London, – 2015. – 413 s.

linguistischen Verfahren lassen sich semantische Differenzen sowie Gemeinsamkeiten zwischen Sprachen ermessen und quantifizieren. Durch diese methodischen Verfahren zeigt sich, auch wenn nicht immer explizit, eine hochgradige kulturelle Geprägtheit der Vernetzung lexikalischer Konzepte im mentalen Lexikon als Träger des lexikalischen Wortwissens¹.

In der Sprache finden sich darüber hinaus zahlreiche kulturelle Differenzierungen. Die Bedeutung von „Füllwörtern, Gruß- und Bekräftigungsformeln, Ausdrucksintensität, Lachen oder Schweigen“ variieren, die unterschiedliche Abbildung und Deskription der gedachten bzw. wahrgenommenen Welt durch Sprache, bekannt als „Sapir-Whorf-Hypothese“ der linguistischen Relativität, die Bildung von Ingroup-Sprachen oder Dialekten, geben Aufschluss über Fein- und Grobstrukturen kultureller Unterschiedlichkeit.

Lotman J. sieht den Bezug „Kultur und Sprache“ als ein natürliches Organisationszentrum von Sprachen und Kulturen an, die das andere semiotische, ebenfalls sprachliche oder zum Teil sprachliche System ordnet und aufeinander bezieht².

In der Kultur wird die Sprache als ein hauptsächliches und charakteristisches Element angesehen. Wenngleich dieses von Menschen verschiedener kultureller Abstammung geteilt werden kann, sprachliche Brücken zu anderen Kulturen hergestellt werden können, gilt Sprache als „core value“ jeglicher Kultur. An ihr können soziale Gruppen als eigene kulturelle Gemeinschaften identifiziert werden, ihr Verlust kann zu deren Auflösung beitragen. Für Minderheiten ist die Sprache mehr als ein Medium zur Kommunikation, sondern ein zentrales Symbol ethnischer und kultureller Identität³.

Es ist demzufolge darauf hinzuweisen, dass die Sprache zur Verständigung zwischen den Kommunikationsteilnehmern dient. Sie kann aber auch Barriere in der kulturübergreifenden Kommunikation sein. Als Kulturträger im- und expliziert Sprache die kulturellen Bedeutungen des Sichtbaren und Unsichtbaren, des Konkreten und Abstrakten einer Kultur, die unmittelbar eine Kommunikation beeinflussen, denn sprachliche Systeme sind komplexe Reflektionen kultureller Merkmale. Sie lassen sich nicht leicht durchschauen und machen somit die Teilnahme an einer Sprache weitaus schwieriger, als in der Regel angenommen wird. Häufig sind es erst die grenzüberschreitenden Erfahrungen in der Kommunikation über Generationsgrenzen, Register oder Kulturen hinweg, die uns die ganze Breite der Komplexität der Beziehungen von Sprache und Kultur ins Bewusstsein rufen⁴.

¹ Plieger P. Struktur und Erwerb des bilingualen Lexikons. Konzepte für mediengestützte Wortschatzarbeit. – Berlin: Literatur Verlag, – 2006. – 24 s.

² Lotman J. Die Innenwelt des Denkens. Eine semiotische Theorie des kulturellen Sprachverhaltens. – Berlin: Suhrkamp Verlag, – 2010. – 12 s.

³ Smolicz J. Language – A Bridge or a Barrier? Languages and Education in Australia from an Intercultural Perspective. – Adelaide, – 1993. – 24 s.

⁴ Roche J. Interkulturelle Sprachdidaktik. Eine Einführung. – Tübingen: Narr, – 2001. – 31 s.

Im kulturellen Raum manifestiert sich die Sprache sowohl als Kommunikationsmittel als auch als „*ein Zugang zu einer Kultur*“. Sie ist in ihrer historischen Entwicklung aufgrund der Bedürfnisse der Menschen innerhalb der Kommunikationen im Alltagsleben entstanden und stellt implizit und explizit die soziokulturellen Gegenstände und Sachverhalte, die alltäglichen Tätigkeiten und Aktivitäten der Menschen jener Sprachgemeinschaft dar. Durch Sprache wird Kultur, sei es Geistiges oder Materielles, sei es Sichtbares oder Unsichtbares, verbalisiert, artikuliert und manifestiert. Daher wird beschrieben, dass die Sprache das typischste, repräsentativste und zentralste Element jeder Kultur ist¹.

Die Kultur beeinflusst das Wahrnehmen, Denken, Handeln und die Werten ihrer Mitglieder und definiert somit deren Zugehörigkeit zur Gesellschaft. Die Sprache bleibt aber der aufschlussreiche Teil im kulturellen Kreis, weil alle ausgelösten Auswirkungen auf allen Ebenen in der Gesellschaft auf sie zurückzuführen sind.

Der nationale und kulturelle Charakter der Sprache wird zwar durch Gemeinschaft des Wohnplatzes und des Wirkens unterhalten, verstärkt, ja bis zu einem gewissen Grad hervorgebracht; eigentlich aber beruht er auf der Gleichheit der Naturanlage, die man gewöhnlich aus Gemeinschaft der Abstammung erklärt².

Da die Entwicklung der menschlichen Natur aber von der Sprache abhängt, so ist durch diese unmittelbar selbst der Begriff der Nation als der eines auf bestimmte Weise sprachbildenden Menschenhaufens gegeben.

Durch die enge Beziehung zwischen Sprache und Kultur kommt der Sprache eine herausragende Rolle bei der Beschreibung und Analyse kultureller Eigenarten zu. Aus jeder Sprache lässt sich daher auf den Nationalcharakter zurückschließen. Auch die Sprachen roher und ungebildeter Völker tragen diese Spuren in sich, und lassen dadurch oft Blicke in intellektuelle Eigentümlichkeiten werfen, die man auf dieser Stufe mangelnder Bildung nicht erwarten sollte.

Die Sprache, insoweit sie für Kultur relevant ist, umfasst drei ganz unterschiedliche Bereiche: den Wortschatz „*weniger das grammatische System*“ einer bestimmten Ethnosprache im Sinne eines thematischen Lexikons kulturspezifischer Artefakte, das kommunikative Handeln „*Taktiken in den kommunikativen Interaktionen*“ und die Verhaltensetikette ihrer Sprecher und schließlich die „*Weisheiten*“, d. h. die manifesten kollektiven Überzeugungen, Werte und Normen einer Sprachgemeinschaft, die nach der Darstellung in „*Sprache und Kultur*“ in Phraseologismen, Sprichwörtern, aber auch in der Literatur ihren Ausdruck findet.

¹ Brooks N. Sprache und Spracherwerb. Theorie und Praxis des Fremdsprachen- Unterrichts. – Berlin: Cornelsen-Velhagen und Klasing, – 1973. – 85 s.

² Von Humboldt W. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. – Darmstadt, – 1988. – 288 s.

Die Sprache spiegelt die kulturelle und sprachliche Identität und die nationale Zugehörigkeit von Menschen wieder, ihre Traditionen und ihre Lebenswelt. Wenn Sprache verloren geht, geht auch unwiderruflich Kultur zu Grunde. Wenn aber die Kultur oder die Sprache in der Gesellschaft fortdauernd existieren, entwickeln sich sowohl die kulturelle Kompetenz des Kommunikationsteilnehmers als auch seine eigene Sprachpersönlichkeit. Ein deutliches Beispiel, das uns den gegenseitigen Einfluss der Kultur und Sprache darlegt, ist die sprachliche und kulturelle Situation in der ehemaligen Deutschen Demokratischen Republik, die manche Wörter und Satzbildungen aus dem untergegangenen Sowjetischen Regime entstammen und über einen anderen dem heutigen nicht ähnlichen Bedeutungsinhalt „*kulturell und semantisch*“ verfügen. Als Beispiel dieser Wörter nennen wir „*Sputnik, Natschalnik, Rabotnik, Subbotnik, Pionierleiter, Maschinen-Ausleih-Station, Kaufhalle, Rotlichtbestrahlung, umrubeln, Parteimitglied, Volkseigen*“¹.

Ausgehend von den angeführten Wörtern soll es hervorgehoben werden, dass jedes Wort eine Bedeutung umfasst, die eng mit der kulturellen Eigenschaft der sowjetischen Gemeinschaft verbunden ist, zum Beispiel das Wort „*Volkseigentum*“ bedeutet im kulturellen Kontext der sozialistischen Kultur alles, was zum Volk gehört, obwohl dieses Eigentum staatlich ist, wird immer als Volksteil betrachtet, weil die Bürger in jener Epoche mehr miteinander solidarisch und einträchtig waren. Durch Sprachverhalten wurde diese kulturelle Besonderheit der Bürger der ehemaligen Deutschen Demokratischen Republik vorgestellt. Im heutigen deutschen Sprachverhalten wird das Wort „*Volkseigentum*“ fast nie verwendet, weil es auf verschiedene kulturelle Bedeutung hinweist, die den kommunikativen Interaktionen nicht entspricht.

Beim Nachschlagen in Wörterbüchern fällt uns auf, dass das Wort „*Volkseigentum*“ zum alten Wortschatz der DDR gehörte und ebenfalls im Rahmen eines sozialistischen Kontexts verdeutlicht wurde. Es wurde folgendermaßen erläutert:

„**Volkseigentum:** das, (DDR) sozialistisches Staatseigentum, zum Volkseigentum gehörend, alles, was das Volk gebrauchen kann“².

Das Sprachverhalten ist danach auf drei Ebenen ein kulturelles Phänomen: erstens auf der Ebene des eigentlichen Sprachmaterials, zweitens auf der Ebene der Sprachanwendung im kommunikativen Handeln und drittens auf der Ebene von Texten, die bestimmte kulturell relevante Inhalte vermitteln. Jede Sprache zieht um das Volk, welchem sie angehört, einen Kreis, aus dem es nur insofern hinauszugehen möglich ist, als man zugleich in den Kreis einer anderen hinübertritt³.

¹ Adjabi Y. Die Besonderheiten der Sprachpersönlichkeit der Bürger der ehemaligen Deutschen demokratischen Republik. Fachsammelband der Ostroger Akademie, Serie: Philologie, – 2014. – S. 5–6.

² Duden Universalwörterbuch. 7. Überarbeitete und erweiterte Auflage. – Herausgegeben von der Dudenredaktion. Duden Verlag. – Mannheim, Zürich, – 2011. – 1931 s.

³ Von Humboldt W. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. – Darmstadt, – 1988. – 434 s.

Der humboldtianische Richtung steht eine Herangehensweise gegenüber, die jeder Hypostasierung von Kultur und Sprache mit Skepsis begegnet. In ihr rücken die innere Gliederung von Kulturen in unterschiedliche Kommunikationsbereiche und die Verkettungen von Kommunikationsereignissen in den Vordergrund. Die essentielle Einheitlichkeit ethnisch oder national abgegrenzter Kulturen wird relativiert oder sogar ganz infrage gestellt¹.

Mitte des 19. Jahrhunderts folgt die Erforschung von Sprache und Kultur keiner einheitlichen Richtung. Der Jurist und Journalist Venedey J. liefert mit einer Denkschrift über „*die Deutschen und Franzosen nach dem Geiste ihrer Sprachen und Sprichwörter*“ ein Beispiel für die Vereinnahmung humboldtscher Thesen für nationalistische Zwecke. Um die Unterschiede im deutschen und französischen Nationalcharakter herauszuarbeiten, untersucht er sowohl Grammatik als auch Sprachgebrauch mit dem Ergebnis, dass „*die Deutschen*“ hinsichtlich ihrer sprichwörtlichen Tugenden wenig mit „*den Franzosen*“ gemeinsam haben. Der Deutsche *dekliniert* nicht nur den Artikel, sondern auch das Hauptwort selbst. Letzteres hält der Franzose für überflüssig. Das ist schon die deutsche Pünktlichkeit, die bei Leibe nichts vergessen möchte; während der Franzose es nicht so genau nimmt, sondern rasch auf das Ziel zustrebt, sich an dem allernotwendigsten hält, und den Rest über Bord wirft².

Aufschluss über Unterschiede im Kulturalcharakter gibt ihm auch die sprachliche Analyse von Bejahung und Verneinung. Kulturell gesprochen könnte man vielleicht sagen, dass der Franzose überhaupt negativer, absprechender als der Deutsche ist, der Deutsche dagegen affirmativer, zugebender, wie jene doppelte Verneinung „*ne pas*“ umso mehr zu beweisen scheint, wenn man sie dem deutschen „*Jawohl!*“ gegenüberstellt. Wie der Franzose kein einfaches „*ne*“, so hat der Deutsche kein einfaches „*Ja*“, er verstärkt dasselbe und sagt „*Jawohl!*“.

Wir haben nicht einfach eine Kultur und eine Sprache, sondern zunächst einmal die disparaten Kommunikations-Verhaltens- und Wertwelten im Alltag, in beruflichen Kontexten, in der Wirtschaft, der Wissenschaft, der Religion usw., die alle ihre sprachlichen, d. h. lexikalischen, pragmatischen und textuellen Besonderheiten aufweisen und mit unterschiedlichen kommunikativen Konventionen verbunden sind. Beide Herangehensweise an die Kultur–Sprache–Verknüpfung, konkurrieren zwar miteinander, schließen einander aber nicht aus³.

¹ Bartminski J., Chleba W.: wie soll man das sprachlich-kulturelle Weltbild der Slawen und ihrer Nachbarn untersuchen. – Frankfurt a. M.: Peter Lang, – 2009. – 271 s.

² Venedey J. 1842: Die Deutschen und Franzosen nach dem Geiste ihrer Sprachen und Sprichwörter. – Heidelberg: Winter Verlag, – 1842. – 4 s.

³ Földes C. Interkulturelle Kommunikation: Positionen zu Forschungsfragen, Methoden und Perspektive. – Berlin: Präsenz Verlag, – 2007. – 12 s.

Die Voraussetzung, dass Kultur und Sprache, wenn nicht fast alles, miteinander zu tun haben, vereint die humboldtianische Linguistik. Kulturelle und sprachliche Divergenz schließt ferner den Begriff der Standardsprache nicht von vornherein aus, da sich eine Standardsprache durch Polyvalenz auszeichnet, d. h. mit ihrer Phonologie, Morphologie, Lexik und Syntax disparate Kommunikationsbedürfnisse abdecken muss¹.

Die verschiedenen Effekte der Kultur auf der sprachlichen Ebene sind wahrzunehmen, wenn bestimmte Lexeme, ritualisierte Sprechhandlungen oder sogar morphologische und phonologische Erscheinungen außerhalb der Sprachgemeinschaft zu Kennzeichen eben dieser Sprache und der Sprachgemeinschaft selbst werden. Zum Beispiel: „*Isn't it*“ „*Je t'aime*“ und das Wortbildungsmittel des Diminutivsuffixes „*Väterchen*“ oder „*Großmütterchen*“ erscheinen als „typisch englisch“, „typisch französisch“, „typisch deutsch“ – nicht nur sprachlich, sondern auch im Sinne einer ethnisch-nationalen Persönlichkeit².

Der kulturelle Charakter eines Volkes und seines Staates gibt sich dadurch kund, dass es früher oder später die Bildsamkeit seiner Sprache beschränkt hat. Völker auf einer untern Stufe der sittlichen Ausbildung sprechen wenig und abgebrochen; diese wenigen Worte sind leicht verständlich, und die Sprache behält nicht allein eine große Bildsamkeit, sondern auch Veränderlichkeit genug, um neue kulturellen und sprachlichen Eigenschaften aus ihr entstehen zu lassen³.

Es stellt sich klar heraus, dass in jeder Gliederung und Subkategorisierung von Kultur die sprachliche Dimension kultureller Gegenstände vorhanden ist. Ohne Sprache über Artefakt kann es keine kulturelle Bedeutungszuschreibung geben. Ohne Sprache über Mentefakte könne diese sich nicht als Begründungshintergrund der Konventionen und allgemein geteilten Bewertungen in Gemeinschaften etablieren. Mit einem Wort „*Kultur ist Sprachverhalten*“.

Wenn aber andererseits Gegenstände und Ereignisse erst in der Kommunikation mit ihnen und über sie zu kulturellen Gegenständen und Ereignissen werden, dann lässt sich durchaus sagen, dass Kultur, wenn auch nicht ausschließlich, so doch wesentlich Kommunikation ist. Und daraus folgt die zweifache und korrelative Verknüpfung der Untersuchungsbereiche „*Kultur und Sprache*“: *Sprache* ist ein Mittel der *Kommunikation*, und *Kommunikation* ist der „Organisationsmodus“ von *Kultur*. In der *Kommunikation* gehören *Kultur* und *Sprache* wesentlich, d. h. ihrem Wesen nach, zusammen⁴.

In sprachlichen kommunizierenden Gesellschaften erlangen kulturelle Gegenstände Typizität und Bekanntheit, indem über sie gesprochen und verhandelt wird. In

¹ Dijk V. T. Discors, Ideology and Context. – In: *Folia Linguistica*. – Bd. 35. – 15 s.

² Kuß H. Beispiele sprachlicher Stereotypisierung. – München: Karl-May-Gesellschaft, – 2011. – 45 s.

³ Link H. Die Urwelt und das Altertum, erläutert durch die Naturkunde. – Berlin: Dümmler Verlag, – 1999. – 142 s.

⁴ Fleischer M. Wirklichkeitskonstruktion. Beiträge zur Systemtheoretischen Konstruktivi smusforschung. – Dresden: Thelem Verlag, – 2003. – 22 s.

diesem Sprachverhalten werden ihnen Bedeutungen zugeschrieben, erfahren sie Bewertungen. Wertungen lassen sich anschließen wie „schön“, „hässlich“, „originell“ usw. Mit dem Wissen darum, dass der Obelisk aus Ägypten aus der Zeit Ramses II stammt, verändert sich seine Bedeutung für den Betrachter, und das Wissen darum, dass der Obelisk 1836 als ein Geschenk des ägyptischen Vizekönigs „Mohamed Ali Pascha“ an „Louis-Philippe I“ in Paris aufgestellt wurde, weist dem „Dinge“ weitere Bedeutungen zu, mit denen es in größere Diskurszusammenhänge eingehen kann¹.

Von der Entwicklung einer Sprache her ist Sprache nicht trennbar von der Kultur. Sie spiegelt in gewissem Maße auch die Entwicklung einer Kultur wider. „Sprache und Kultur“ stehen in enger Wechselbeziehung, beeinflussen sich gegenseitig, sind durch ihr ständiges Weiterentwickeln charakterisiert, kennen keinen Stillstand. Sprache ist Vorbedingung der Geschichte und der Kultur. Genauso richtig ist es aber auch zu sagen, dass Sprache erst durch Geschichte und Kultur zum Ausdruck kommt, Sinn und Zweck erhält, da sie als Kommunikationsmittel ein Kommunikationsobjekt und ein Kommunikationsziel benötigt.

Zusammenfassend lässt sich feststellen, dass jedes Wort durch eine kulturelle Bedeutung geprägt ist, deren Inhalt aus verschiedenen kommunikativen Interaktionen hervorgerufen wurde. Den sprachlichen Einheiten werden stets unterschiedliche Wahrnehmungen zugewiesen, die die nationalen und kulturellen Besonderheiten des Kommunikationsteilnehmers ans Licht bringen. Die Kultur und die Sprache ersetzen und vervollständigen einander.

Was den Beitrag der kulturellen Besonderheiten zur Wahrnehmung der Sprachpersönlichkeit angeht, lässt sich deutlich äußern, dass jede Kultur ihre eigene Äußerungsart schafft und entwickelt, die ihrerseits die Grundansätze der Sprachpersönlichkeit aufstellt. Die Sprache bleibt doch das unverzichtbare kommunikative Element, das die Kultur anderer sprachlicher Gemeinschaften dem Andersdenkenden darlegt. Diese unerschütterte Beziehung zwischen Kultur und Sprache kommt aus dem dringenden Bedarf an die Erhaltung der nationalen und kulturellen Besonderheiten der sozialen Gruppen her, deren Sprachverhalten ihre eigene Identität darstellt und bewahrt.

Referncez:

1. Adjabi Y. Die Besonderheiten der Sprachpersönlichkeit der Bürger der ehemaligen Deutschen demokratischen Republik. Fachsammelband der Ostroger Akademie, Serie: Philologie, – 2014. – S. 5–6.
2. Bartminski J., Chleba W. Wie soll man das sprachlich-kulturelle Weltbild der Slawen und ihrer Nachbarn untersuchen. – Frankfurta. – M.: Peter Lang, – 2009. – 287 s.

¹ Quasthof U. Soziales Vorurteil und Kommunikation. Eine sprachwissenschaftliche Analyse des Stereotyps. – Frankfurt, – 1973. – 28 s.

3. Brooks N. Sprache und Spracherwerb. Theorie und Praxis des Fremdsprachen-Unterrichts. – Berlin: Cornelsen-Velhagen und Klasing, – 1973. – 85 s.
4. Dijk V T. Discourse, Ideology and Context. In: *Folia Linguistica*. – Bd. 35. – S. 11–40.
5. Duden Universalwörterbuch. 7.Überarbeitete und erweiterte Auflage. – Herausgegeben von der Dudenredaktion. Duden Verlag. – Mannheim, Zürich, – 2011. – 2112 s.
6. Fleischer M. Wirklichkeitskonstruktion. – Dresden: Thelem Verlag, – 2003. – 414 s.
7. Földes C. Interkulturelle Kommunikation: Positionen zu Forschungsfragen, Methoden und Perspektive. – Berlin: Präsenz Verlag, – 2007. – 56 s.
8. Hall S. Cultural Studies: Two Paradigms. In: Collins, Richard et.al. (Hg.): *Media, Culture and Society. A Critical Reader*. – London, – 1986. – S. 33–48.
9. Klein J. Der Dolmetscher als kultureller Mittler. In: Müller, Bernd-Dietrich (Hrsg.): *Interkulturelle Wirtschaftskommunikation*. – München: iudicium, 1993. – 344 s.
10. Kuß H. Beispiele sprachlicher Stereotypisierung. – München: Karl Gesellschaft, – 2011. – 191 s.
11. Link H. Die Urwelt und das Altertum. Bd. 1. – Berlin: Dümmler Verlag, – 1999. – S. 142–143.
12. Lotman J. Die Innenwelt des Denkens. Eine semiotische Theorie des kulturellen Sprachverhaltens. – Berlin: Suhrkamp Verlag, – 2010. – 291 s.
13. Plieger P. Struktur und Erwerb des bilingualen Lexikons. Konzepte für medien-gestützte Wortschatzarbeit. – Berlin: Literatur Verlag, – 2006. – 24 s.
14. Quasthof U. Soziales Vorurteil und Kommunikation. Eine sprachwissenschaftliche Analyse des Stereotyps. – Frankfurt, – 1973. – 978 s.
15. Roche J. Interkulturelle Sprachdidaktik. Eine Einführung. – Tübingen: Narr Verlag, – 2001. – 31 s.
16. Shore C., Wright S. Audit Culture Revisited. *Current Anthropology*, 56 (3), – 2015. – S. 421–444.
17. Smolicz J. Language – A Bridge or a Barrier? Languages and Education in Australia from an Intercultural Perspective. – Adelaide, – 1993. – 49 s.
18. Venedey J. Die Deutschen und Franzosen nach dem Geiste ihrer Sprachen und Sprichwörter. – Heidelberg: Winter Verlag, – 1842. – 192 s.
19. Von Humboldt W. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. – Darmstadt, – 1988. – 756 s.

Bazylevych Nataliia,
Phd., Kherson State University
the Faculty of Foreign Philology
E-mail: bazylevych.natali@gmail.com

LEXICAL AND STYLISTIC DEVICES IN W. CHURCHILL'S DISCOURSE OF REFLECTION

Базилевич Наталія,
кандидат філологічних наук
Херсонський державний університет
факультет іноземної філології
E-mail: bazylevych.natali@gmail.com

ОСОБЛИВОСТІ ВИКОРИСТАННЯ ЛЕКСИЧНИХ СТИЛІСТИЧНИХ ЗАСОБІВ У ДИСКУРСІ РЕФЛЕКСІЇ В. ЧЕРЧИЛЛЯ

Постановка проблеми. Визнання феномену рефлексії особистості як форми вираження її свідомості зумовило інтерес науковців до вивчення рефлексії як важливої складової літературного твору¹. Художнє осмислення дійсності зумовлює різноманітність точок зору в текстах, чим і створює багаторівневу систему рефлексії (авторська рефлексія, рефлексія героя, рефлексія наратора)².

Актуальність статті визначається її відповідністю загальним спрямуванням сучасної лінгвістики, зокрема когнітивно-дискурсивним підходом до аналізу рефлексії як засобу самовираження автора, а також необхідністю всебічного вивчення мовних засобів її реалізації. Актуальність визначається також і тим, що рефлексія досліджується на матеріалі історико-мемуарних творів В. Черчилля (сер Вінстон Леонард Спенсер-Черчилль, англ. *Winston Leonard Spencer-Churchill*³; 30 листопада 1874 р. – 24 січня 1965 р.) – великого політичного і державного діяча, прем'єр-міністра Великої Британії, видатного оратора, лауреата Нобелівської премії з літератури.

Мета статті полягає у виявленні домінантних лексичних стилістичних засобів актуалізації рефлексії В. Черчилля.

¹ Богин Г.И. Школа рефлексии и рефлексивности / Г.И. Богин // Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы: [сб. статей]. – Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, – 2000. – С. 41–51.

² Бак Д. П. Эволюция художественной рефлексии как проблема исторической поэтики / Д. П. Бак, В. И. Тюпа. – Кемерово: КемГУ, – 1988. – С. 4–15.

³ Sir Winston Churchill: the greatest Briton. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: URL: <http://www.bbc.co.uk/timelines/z363gk7>

Дискурс рефлексії В. Черчилля – це особлива форма мови суб'єкта, що актуалізує когнітивний тип свідомості, налаштований на аналіз, інтерпретацію й оцінку зображуваних подій із позиції соціального досвіду лідера.

У контексті дослідження встановлено, що опосередкованими вербальними маркерами рефлексії В. Черчилля, тобто такими, значення яких є непрямим (фігуральним), виступають експресивно-образні засоби, серед яких виділяємо лексичні стилістичні прийоми – епітети, образні порівняння, іронію, метафору і персоніфікацію.

За допомогою епітетів В. Черчилль передає суб'єктивну інтерпретацію пережитого досвіду. Наприклад, у контексті *It was amid these facts and looming prospects that I entered upon my duties as Prime Minister and Minister of defence <...>*, епітет *looming* 'хімерний' актуалізує міркування В. Черчилля з приводу ситуації, яка була на початку його діяльності як Прем'єр-Міністра та Міністра Оборони.

Епітети також об'єктивують суб'єктивно-емоційне осмислення життєвого простору В. Черчилля: 1) **світ** – 'недовговічний', наприклад: *Ten years is a long time in this fugitive world;*

2) **соціальне середовище**: а) **нація** – 'велична', наприклад: *<...> the grand old British race that had done so much for men, and had yet some more to give;* б) **країна** – 'мирна та законослухняна Англія', наприклад: *here, in the heart of peaceful, law-abiding England – to realize the ferocious passions which are rife in Europe;* в) **суспільство** – 'мінливе, дружелюбне, але нерозбірливе', наприклад: *<...> I nevertheless continued to hold my position in this fluid, friendly, but unfocused circle;* г) **сім'я** – 'щаслива', наприклад: *Thus I never had a dull or idle moment from morning till midnight, and my happy family around me dwelt at peace within my habitation;*

3) **природне середовище**: а) **ландшафт**, наприклад: *The fine sand, driven by the wind, gathers into deep drifts, and silts among the dark rocks of the hills, exactly as snow hangs about an Alpine summit; only it is a fiery snow, such as might fall in hell;* б) **краєвид**, наприклад: *We had a picnic lunch on the way by a stream, sparkling in hot sunshine;*

4) **час**: а) **епоха, коли народився** В. Черчилль, наприклад: *It was the custom in the palmy days of Queen Victoria for statesmen to expatiate upon the glories of the British Empire, and to rejoice in that protecting Providence which had preserved us through so many dangers and brought us at length into a secure and prosperous age;* б) **епоха, в якій жив** В. Черчилль, наприклад: *Thus much of the literature of this tragic century is biased by idea that in war only military considerations count <...>.*

Образні порівняння представляють собою особливий спосіб переосмислення соціально-історичного контексту зображуваної епохи, серед яких виділяються прості порівняння, наприклад: *The sinister news broke upon the world like an explosion* та розширені порівняння, наприклад: *The noble capital of Vienna <...>, was left stark and starving, like a great emporium in an improvised district whose inhabitants have*

mostly departed. Проілюструємо використання розширеного порівняння, яке допомагає автору не тільки створити образ, а й передати певну психологічну атмосферу: *In the face of it Prince Paul's attitude looks like that of an unfortunate man in a cage with a tiger, hoping not to provoke him while steadily dinner approaches.* За допомогою цього порівняння В. Черчилль відтворює стан неспокою – *an unfortunate man in a cage with a tiger* ‘нешасливий чоловік у клітці з тигром’, викликаний побоюваннями, передчуттям небезпеки – *hoping not to provoke him while steadily dinner approaches* ‘який сподівається, що не роздратує його (тигра) в той час, коли обід неухильно наближається’.

Розширені образні порівняння також відображають особливості світосприйняття автора, наприклад: *It is only when we reflect that the decay gives birth to fresh life, and that the new enthusiasm spring up to take place of those that die, as the acorn is nourished by the dead leaves of the oak <...>.*

Специфічним для дискурсу рефлексії В. Черчилля є використання **розширеного алюзивного порівняння**, наприклад: *But the apparition of Kitchener Agonistes in my doorway will dwell with me as long as I live. It was like seeing old John Bull on the rack.* У наведеному прикладі автор використовує для порівняння дві алюзії: 1) називає генерала Кітченера *Kitchener Agonistes* ‘Кітчонер-борець’, проводячи паралель із головним героєм однойменного твору Мільтона «Самсоном-борцем» (*Samson Agonistes*), тим самим підкреслюючи його відвагу; 2) звернення до постаті Джона Буля (*John Bull*), що є представником типового англійця, його стану душевної рівноваги. Уживаючи для порівняння зазначені алюзії, автор акцентує увагу читача на несподіваності ситуації: побачити сильні емоції відважного генерала Кітченера для В. Черчилля було подібно тому, як побачити старого Джона Буля у нервовому стані (*on the rack* = “suffering intense distress or strain”).

У контексті *Freyberg, like his only equal, Carton de Wiart, deserved the title <...> of «Salamander».* *Both thrived in the fire, and were literally shot to pieces without being affected physically or in spirit. <...> Freyberg is so made that he will fight King and country with unconquerable heart anywhere he is ordered,* розмірковуючи над незламністю духу англійського офіцера Бернарда Фрейберга, В. Черчилль проводить паралель із іншим англійським офіцером – Картоном Де Віартом і порівнює їх обох із Саламандрою (духом, що живе у вогні).

В основі іронії в дискурсі рефлексії В. Черчилля лежить: 1) **метафора з іронічною конотацією**, наприклад: *The British and French Cabinets were at this time presented a front of two over-ripe melons crushed together; <...>.* Так, розмірковуючи над психологічним кліматом, який панував у британському та французькому урядах, В. Черчилль проводить паралель між членами уряду і «перестиглими диянями» (*over-ripe melons*), а стосунки між ними характеризує як «протистояння» (*a front, crushed*);

2) **парономазія**, наприклад, щоб зробити акцент на нелогічності та суперечливості дій парламенту, В. Черчилль використовує прийом **гри слів**: *decided only to be undecided, resolved to be irresolute*;

3) **оксиморон**, який підсилює зміст міркувань автора та збагачує емоційний фон висловлення; Наприклад, міркуючи з приводу нелогічних дій членів Британського Парламенту, В. Черчилль використовує прийом, заснований на поєднанні непоєднуваних дій та якостей: *for drifting – adamant* ‘для дрейфу – ‘залізні’, *for fluidity – solid* ‘для рідкого стану – тверді’, *all-powerful to be impotent* ‘всемогутні, щоб бути слабкими’, наприклад: *So they go in a strange paradox, **decided only to be undecided, resolved to be irresolute, adamant for drift, solid for fluidity, all-powerful to be impotent***;

4) **антифразис**, який полягає у використанні слова у значенні, протилежному звичному, що досягається за допомогою контексту й особливої інтонації, наприклад: *If only England knew **how kind Hitler really was**, surely she would meet his wishes!* У наведеному контексті прикметник *kind* ‘добрий’ набуває негативного значення: осмислюючи ставлення англійців до Гітлера, В. Черчилль іронізує над особистістю Гітлера, його людськими якостями. Контекстна ситуація переносить позитивне значення лексеми *kind* ‘добрий’ на задній план, породжуючи новий негативний відтінок значення – *unkind* ‘недобрий/жорстокий’, висміюючи відсутність такої риси якості, як «доброта».

Метафори вирізняються оригінальністю переосмислення світу В. Черчиллем. Характерним для метафор В. Черчилля є сприйняття подій чи явищ у термінах:

1) **тілесності**, наприклад, *body of knowledge* ‘запас знань’: *It was no burden to me but a relief to dictate from my general **body of knowledge** acquired at the summit full explanations to one I knew so well; face of Earth* ‘лице землі’: *And behind regulars and irregulars alike the wild Arab tribes of the desert and the hardy blacks of the forests, goaded by suffering and injustice, thought the foreigners the cause of all their woes, and were delayed only by their inability to combine from sweeping them off **the face of the earth**; the eye of thought* ‘зосередженість думки’: *And as **the eye of thought** rests on these sinister features, it hardly seems possible for us to believe that any fair prospect is approached by so foul a path; the strong hands of steam* ‘сильні руки пари’: ***The strong hands of steam** were directed to the prosecution of the war, and the swiftness of the train replaced the toilsome plodding of the caravan; jaws of death* ‘пазури смерті’: *It is not possible to tell this story without recording the milestones which we passed on our long journey from security to the **jaws of Death**; in the teeth of the air attacks* ‘у супереч повітряним атакам’: *This was accomplished **in the teeth of the air attacks** made on the Mersey and the Clyde at the beginning of May* і т. п.;

2) **природи**, наприклад: *climate of opinion* ‘суспільний клімат’, *fruits of knowledge* ‘плоди знань’; *volcano on which they disported themselves was ominously silent* ‘вулкан на якому вони розважалися був зловісно мовчазний’; *tide of war* ‘хвиля війни’; *dark*

waters of despair ‘темна ріка/води відчаю’; *wave of uneasiness had swept the Grand Fleet* ‘хвиля тривоги накрила Великий Флот’; *currents of passion* ‘потоки пристрастей’.

Особливістю рефлексії В. Черчилля є також перцептивне осмислення явищ чи подій, що сприяє утворенню непередбачуваних метафоричних зв’язків: 1) поєднання ментальних і зорових відчуттів, наприклад: *grateful flash of green* ‘приємний спалах зелені’: *The picture painted in burnt sienna is relieved by a grateful flash of green*;

2) поєднання тактильних, зорових і ментальних відчуттів, наприклад: *hot, black rocks have witnessed famous tragedies* ‘гарячі, чорні скелі були свідками відомих трагедій’;

3) поєднання зорових і одоративних відчуттів, наприклад: *the thread of fresh water* ‘нитка свіжої води’: ***The thread of fresh water*** *is itself solitary in regions where all living things lack company*;

4) поєднання тактильних і ментальних відчуттів, наприклад: *burning words* ‘пекучі слова’: <...> *the burning words might be applied to the freedom of the soil*;

5) поєднання слухових і ментальних відчуттів, наприклад: *whispers of war, a holy war, were breathed to a race* ‘шепіт війни, священної війни, був почутий народом’;

6) відчуття зорових і смакових відчуттів, наприклад: *dark and bitter waters* ‘темні та гіркі води’: *How can we bear to continue to lead our comfortable, easy lives at home, <...>? **The dark, bitter waters** are rising fast on every side.*

Персоніфікація об’єктивує осмислення В. Черчиллем способу буття соціуму, яке опосередковується персоніфікованими смислами, наприклад: *Amid the torrent of violent events one **anxiety reigned** supreme.* У наведеному реченні персоніфікація *anxiety reigned* ‘тривога володарювала’ передає психологічний клімат суспільства – почуття тривоги, викликане жахіттями війни.

Отже, лексичні стилістичні прийоми актуалізують специфіку переосмислення В. Черчиллем реального світу.

*Bozhko Yuliia Oleksandrivna,
Associate Professor at the Department
of Theory and Practice of the English Language
H. S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University,
E-mail: 29-yulia@ukr.net*

LEXICO-GRAMMATICAL PECULIARITIES OF PHRASEOLOGICAL UNITS OF PREPOSITIONAL-CASE MODEL

*Божко Юлія Олександрівна,
Доцент кафедри теорії і практики англійської мови
Харківський національний педагогічний університет
ім. Г. С. Сковороди
E-mail: 29-yulia@ukr.net*

ЛЕКСИКО-ГРАМАТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ ПРИЙМНИКОВО- ВІДМІНКОВОЇ МОДЕЛІ

Розвиток сучасної лінгвістичної науки позначений великою увагою до питань української фразеології. Аналіз семантичних груп фразеологізмів, особливості їхньої будови, системних зв'язків фразеології пов'язаний зі з'ясуванням ролі і місця фразеологізмів у мовній системі, що обумовлює актуальність досліджуваного матеріалу. За будовою фразеологізми можна поділити на дві групи: фразеологізми, які мають організацію речення, і фразеологізми, які організовані за моделлю словосполучення (сполучення слів). Окремо виділяються сполучення в прийменниково-відмінковій формі. Модель фразеологізмів, граматичною будовою яких є прийменниково-відмінкова форма, визначається як прийменниково-відмінкова модель українських фразеологізмів. Формула моделі – “*прийменник + відмінкова форма самостійного слова*”. Роль самостійного слова можуть виконувати: іменник (*без жартів, без кінця, без сліду, в дорогу, від Адама, від душі, до нитки, за безцінь, за дідів, за плечима, з плеча, з вітерцем, з копита, на безвік, на бігу, на волосок, на мазі, на пні, під градусом, під бочком, під замок, під корінь, під мухою, під носом, під рукою, під шумок, по вінця, по горло, по серцю, про запас*), прикметник (субстантивований) (*від лукавого, до останнього, на батьківських*), займенник (*про мене, про себе*), числівник (*до одного, за трьох*), дієслово (субстантивоване) (*без угаву, без упину, до загину*), вигук (*на біс*). У ролі прийменника виступають переважно первинні прийменники.

ФО цієї моделі залучались як ілюстративний матеріал для аналізу різних проблем фразеології в працях Л. Г. Авксентьева, М. Ф. Алефіренка, М. Т. Демського, Н. О. Зубець, Є. Г. Конопленко, Л. Г. Скрипник, В. Д. Ужченка та ін.

Семантико-граматичні розряди фразеологічних одиниць мовознавці виділяють по-різному. На думку М. М. Шанського, фразеологізми еквівалентні тій чи іншій частині мови¹. В. М. Гришанова співвідносить ФО з частинами мови². М. Ф. Алефіренко стверджує, що «... фраземи як одиниці вищого рівня мови утворюють такі семантико-граматичні розряди, які не збігаються з частинами мови як лексико-граматичними категоріями, хоч інколи і співвідносяться з ними»³. Фразеологічні одиниці мовознавець згрупує умовно в такі семантико-граматичні розряди: субстантивні (*хліб насущний* – «найважливіше, найнеобхідніше для існування кого-небудь, чого-небудь»; *мальований стовп* – «верстовий стовп, верстовий знак»; *смертний гріх* – «тяжка, неспокутувана провина»); дієслівні (*махнути рукою* – «зневіритися», *гнути спину* – «виснажливо працювати», *шаблю погратися* – «проявити хоробрість»); ад'єктивні (*вірний собі* – «постійний у своїх поглядах, переконаннях, звичках»; *гострий на язик* – «дотепний, ущипливий», *легкий на руку* – «удачливий (на починання)»; адвербіальні (*з діда – прадіда* – «здавна», *ні з сього ні з того* – «безпричинно», *на широку ногу* – «щедро»); інтер'єктивні (*хай йому грець! що й казати! матінко рідна!*). Фразеологічні одиниці приєднано-відмінкової моделі М. Ф. Алефіренко кваліфікує як адвербіальні⁴. На його погляд, до адвербіальних належать ФО кількісно або якісно-обставинної семантики, які виконують у реченні функцію обставин.

Л. Г. Авксентьев співвідносить фразеологізми з частинами мови. Він встановлює такі семантико-граматичні розряди фразеологічних одиниць⁵:

- а) іменні: *біла ворона, собака на сні, велике цабе*;
- б) дієслівні: *очі замилувати, бити чолом, яща дати*;
- в) прислівникові: *під носом, до лампочки, як кіт наплакав*.

В основу такого розподілу дослідник взяв принцип співвіднесення семантики фразеологізму зі значенням слова. Аналізовані ФО Л. Г. Авксентьев визначає як прислівникові.

Крім цього, мовознавець виділяє структурні групи фразеологічних одиниць⁶:

1. ФО – прикметник + іменник (*біла ворона, залізна завіса, казанська сирота*).

¹ Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. – М.: Высш.шк., – 1985. – 47 с.

² Гришанова В. Н. Фразеологические единицы в их соотносительности с частями речи русского языка // Русск. яз. в шк. – 1981. – № 3. – 34 с.

³ Алефіренко М. Ф. Теоретичні питання фразеології. – Х.: Вища шк. Вид-во при Харків.ун-ті, – 1987. – 42 с.

⁴ Алефіренко М. Ф. Теоретичні питання фразеології. – Х.: Вища шк. Вид-во при Харків.ун-ті, – 1987. – С. 63–65.

⁵ Ужченко В. Д. Авксентьев Л. Г. Українська фразеологія. – Х.: Основа, – 1990. – 35 с.

⁶ Там само. – С. 36–45.

2. ФО – іменник + іменник родового відмінка (*сіль землі, точка зору, козел відпущення*).

3. ФО – іменник + прийменник + іменник (*кров з молоком, нуль без палочки, ходіння по муках*).

4. ФО – прийменник + прикметник + іменник (*до нових віників, до останнього подиху, до переможного кінця*).

5. ФО – прийменниково-відмінкова форма іменника + прийменниково-відмінкова форма іменника (*з ранку до вечора, з корабля на бал, з року в рік*).

6. ФО – дієслово + прийменник з іменником або дієслово + іменник (*брати за жабри, заварити кашу, вправляти мізки*).

7. ФО з одним повнозначним словом (прийменниково-відмінкові конструкції) (*в гуморі, в унісон, про око, з голочки, на мазі, не з медом, не по зубах, не по дорозі, не за горами, ні з місця, від лукавого, мов неприкаяний, не в собі*).

8. ФО – конструкції з сурядними сполучниками (*альфа і омега, бог і цар, і сміх і гріх*).

9. ФО – конструкції з підрядними сполучниками (*хоч греблю гати, як вітром здумо, хоч око виколи*).

10. ФО, що за структурою відповідають двоскладному реченню (*голова йде обертом (кругом) у кого, очі на лоб вилізли кому, чорна кішка пробігла між ким*). У цій класифікації фразеологічні одиниці прийменниково-відмінкової моделі кваліфікуються як ФО з одним повнозначним словом (прийменниково-відмінкові конструкції).

О. І. Молотков вирізняє такі лексико-граматичні розряди ФО¹:

а) іменні: *золоті руки, мокра курка, стріляний горобець*;

б) дієслівні: *намилили шию, пекти раки, відкинути копита*;

в) ад'єктивні: *ні риба ні м'ясо, собі на умі, тугий на вухо*;

г) адвербіальні: *по зав'язку, через пень колоду, курям на сміх*;

д) вигуківі: *ну й ну, слава Богу, чорт візьми*.

Досліджувані фразеологізми О. І. Молотков відносить до розряду адвербіальних.

В. Т. Бондаренко визначає категоріальну належність фразеологічних одиниць за формально-граматичними ознаками їх стрижневого компонента². Однак далеко не в усіх фразеологізмах можна встановити стрижневий компонент, оскільки їх лексичне наповнення в окремих випадках не має нічого спільного із загальним значенням фразеологізму в цілому. Граматичний стрижень не можна, наприклад, виділити у фразеологічних одиницях прийменниково-відмінкової моделі. У цих

¹ Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. – Л.: Наука, – 1977. – С 126–150.

² Бондаренко В. Т. О частях речи в русском языке применительно к фразеологическому составу // Вопросы фразеологии 5: Тр. Самарканд.ун-та им. А. Навои. Н. С. – Самарканд, – 1972 – Вып. 219. – Ч. 2. –С. 140–145.

ФО існує розходження між формально панівним компонентом і граматичним типом фразеологізму. Цей факт свідчить про те, що наявність стрижневого центру не є необхідною ознакою аналізованих одиниць фразеології. Шукати такий центр слід у самому фразеологізмові як такому, чітко відмежовуючи її (ФО) та вихідне словосполучення, від якого вона утворилася. Так, наприклад, у фразеологічній одиниці *під носом* («дуже близько»), де чітко виділяється головний компонент *ніс*, немає граматичного центру, оскільки жоден з її компонентів не характеризує граматичний тип цієї сполуки.

І. М. Сергеева висловлює думку, що «адвербіальні прийменниково-відмінкові форми за своєю семантикою та граматичними властивостями відрізняються як від іменників, так і від прислівників, що дозволяє говорити про їх особливе, проміжне становище в граматичній класифікації. Синтаксичні особливості адвербіальних словоформ, що виявляються при створенні словосполучень, специфічні: з одного боку, вони в загальних рисах повторюють синтаксичні ознаки прислівників, з іншого – мають особливості, не притаманні ані прислівникам, ані іменникам»¹.

Лексичне наповнення фразеологізмів прийменниково-відмінкової моделі створюють слова, які належать до широко вживаних шарів лексичного фонду: *Бог: з Богом* – «побажання удачі, успіху, благополуччя» [Кукса:] *Гей, свашки, приданки! Убирайте молодих та споряджайте їх з **богом** до вінця!* (М. Кропивницький); *люди: в люди* – «для масового ознайомлення, використання» (*Пісня та йому прошила серце Райдужно-солодкою стрілою; І поніс її хлопчина в люди*) (М. Рильський); *земля: з-під землі* – «будь-де; скрізь; де завгодно; незважаючи на будь-які труднощі» (*А вже як товариш попросить об чім, то він [Кармель], здається з-під землі дістане, а не одмовиться*) (Марко Вовчок); *горіхи: на горіхи* – «діставати покарання, страждати від когось» (*Звісно, найбільше при тих переговорах [сина і дружини] перепадало на горіхи старому Трацькому*) (І. Франко); *хліб: на хлібах* – «за чийсь рахунок, на чийось утриманні» (*Санаторці жили на хлібах Якима Івановича Потопальського мов у бога за дверима*) (Ю. Збанацький); *чарка: без чарки* – «не випивши спиртного» (*Петро любив грати. Але без чарки грав він рідко: життя здавалося убогим*) (М. Рильський); *свиня: к свиням* – «вираження великого незадоволення ким-, чим-небудь та побажання позбутися, не бачити когось» [Бакаженко:] *Савко!.. Іди к свиням, і не повертайся. [Журавель:] Так би й казав відразу* (І. Микитенко); *біс: до біса* – «багато, безліч чого-небудь» (– *Та й до біса ж у цього паші всякого надбання! Якби підпалити – днів зо три горіло б!*) (М. Пригара); слова, що являють собою назви частин тіла людини: *голова: з головою* – «розумний, кмітливий» (*В громаді о.Гервасій був чоловік з головою. Як розка-*

¹ Сергеева Г. Н. Приадективное употребление адвербиальных предложно-падежных форм // Русский язык. Сборник трудов. – М., – 1975. – С. 285–286.

же було що з давнини, то наче з книжки вичитує) (А. Свидницький); око – на око – «приблизно, неточно» (Чепіга прикинув **на око** яничарську орду, що вийшла з фортеці, і прийшов до висновку, що в її лавах не менше двох тисяч бійців) (С. Добровольський); зуби: на зуби – «поїсти, перекусити» [Сліпий:] Гей, ти, де ти балагуло, маєш ти там що **на зуби**? Горбатий провідник, почувши таку бесіду, навпростець шморгнув рукою в торби сліпого, вийняв добрий хліб, сіль ... фляжку горілки) (І. Франко); лице: з лиця – «на вигляд, зовні» (– І годі вам! Ви то й є правдива Діана. Цвіте, як повна рожа, рум'янець на всю щоку! І з **лиця** не старі, і душею молоді) (І. Нечуй-Левицький); лоб: в лоб – «прямолінійно, відкрито» (– Що сказати? Що ставиться з любов'ю, з пошаною? Надто в **лоб**. А як висловиш це інакше?) (Л. Дмитерко); вуха: по вуха – «дуже сильно, надзвичайно» (Всі знали, що майор Кортуннов **по вуха** закоханий у довгоногоу степовичку і сам влаштував її на роботу) (М. Зарудний); горло: по горло – «дуже багато» (Один бідний, та чужого не візьме, другий **по горло** має, а краде) (Г. Тютюнник); ніс: з носа – «з кожної людини» (Впускають [на танцюльозці] бажуючих потанцювати. Плата за вхід скромненька – троячка з **носа**) (О. Ковінька); волосина: на волосині – «у великій небезпеці, під загрозою» (– Один десь під Бахчисараєм, може, **на волосині** від смерті) (В. Кучер); ніготь: на ніготь – «абсолютно, зовсім» (Він стискав зуби. – Волоцюги, п'яниці, а не люди! У них доброго **на ніготь** не було) (Панас Мирний); ноги: на ногах – «не лягаючи» (Всього натерпілося хлоп'я [в лакейчуках]. Іноді довго стоячи, **на ногах** засипало, падало додола) (Панас Мирний); серце: з серцем – «сердито, з гнівом, зі злістю» (– А як тато не прийме мене? – То нехай собі робить з тобою, що хоче! – з **серцем** промовила Василица) (І. Франко); плече: з плеча – «не подумавши, зразу» (– Як ти все швидко і з **плеча** вирішуєш, – поморщився Дончак) (М. Стельмах); бік: під боком – «поруч, близько» (Ви можете розширити площу города навіть удвоє... Поливати є чим – річка **під боком**) (В. Вільний); спина: за спиною – «таємно від кого-небудь» [Мар'яна:] Це ж безчесно – **за спинами** комуністів пускати плитки, збирати підписи) (М. Зарудний); рука: під рукою – «напохваті, поруч» (– Коли трапиться наглий, нещасливий випадок, в селі є лікар зараз же на місці, **під рукою**, – то це велика справа) (І. Вільде); шия: на шії – «на чиему-небудь утриманні, під чиеюсь опікою» (Ой пані Ганно! Чи гаразд же ти зробила, що таке слово промовила?.. Уж ж чи гаразд, чи ні, а Оленка в тебе **на шії**) (П. Куліш).

В українській мові існує понад 800 прикметниково-відмінкових форм, які можна вважати фразеологізмами.

Аналіз спеціальної наукової літератури свідчить, що більшість мовознавців визнає досліджувані утворення фразеологічними одиницями, оскільки вони мають ознаки, які притаманні класичним фразеологізмам: відтворюваність, стійкість, семантичну цілісність, еквівалентність слову, ідіоматичність, нарізно-оформленість, постійність компонентного складу. Але серед дослідників немає

єдності в розумінні самої суті процесів, що призводять до формування таких фразеологізмів. Тому, по-різному здійснюється їх кваліфікація. Наслідком цього є існування різних поглядів на процес творення аналізованих одиниць фразеології.

Mikhailova Marina Yurevna,
Associate professor, Samara State University
of Social Sciences and Education,
E-mail: marinamikhailova44@gmail.com

FICTIONAL CREATURES REPRESENTATION FEATURES IN THE LITERARY TEXT

At present, scientists are increasingly attracted by the philological analysis of the text, in which the linguistic and literary approaches are harmoniously combined, various categories of the text are optimally explored. An important place in the philological analysis is the study of characters, since they are important for the disclosure of the idea of a literary text. It is obvious that fictional beings have a special significance in the literary work.

From the point of view of nomination, fictional beings are divided into two types: 1) those that are fixed in the linguistic picture of the world (for example, for the Russian language picture of the world – such nominations as *leshy*, *domovoy*, *Baba Yaga*, *kikimora*, for the Tatar language picture of the world – this is an anthropomorphic female creature of the *bichura*, the winged serpent *Zilant*, in the Bashkir linguistic picture of the world – this is an anthropomorphic creature in red *bisura*, etc.), and 2) those whose nominations are absent in the national linguistic picture. For terminological convenience, let us call the nominations of the latter occasional, in contrast to those fixed in the linguistic picture of the world – the usual ones. Conventional forms of fictional beings also include the category of “international” nature, for example, *a ghost*, *a vampire*. So, to designate a vampire, there are nominations in different languages, for example, in the Russian language picture of the world – it's *a vurdalak*, in Tatar – there is *a ubyr*.

From the point of view of lexical semantics, nominations of fictional beings are characterized by the absence of a denotation (extensional) in the real world. However, for usual fictional beings, there are stable associations, on the basis of the latter, holistic images are formed, for example, *Baba-Yaga*, *Leshy*¹.

The subject of our study are the fictional characters of the Russian literature, the nominations of which are not fixed in the Russian discourse at the time of the creation of the literary text (occasional). The aim of the research is to define and characterize the features of the representation of the above-mentioned literary characters. The material of the study was the texts from the Russian literature of the 19th – 20th – 21st centuries, including classical and modern genre, as well as works written for children.

¹ Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: учеб. пособие. – М.: Эдиториал УРСС, – 2000. – С. 85.

Among the authors of the works are A. Bitov, N. Gogol, D. Emets, N. Izmailov, M. Lermontov, K. Matiushkina, V. Postnikov, F. Sologub, and others. The total number of works is 33.

As the analysis has shown, fictional beings are characterized by their characteristics inscribed in the properties of the surrounding world and differ from other described creatures in some kind of quality – strangeness (for example, in folklore, the indicator that a character has an unusual, inhuman nature can be an extraordinary beauty – *a maiden of unwritten beauty*), or radically different from the real world, and then for their representation to the speaker (the author, the authorized character or the “focal” character – from the point of view of which it gives) it is hard to find words and expressions.

If the fictional beings differ little by their characteristics, then the speaker “plays” on this difference. Representation of a fictitious being is given by adjectives, adverbs, descriptive turns, introductory-modal constructions with the semantics of strangeness. Radically different fictional creatures – the most advantageous in order to impress the reader, for a long time to remember him. But then the author should take care of the reader to believe in the existence of such a fiction, was amazed at the description of what is happening. The task is not easy.

At the same time, one can speak of a typical model of the representation of a fictional being in the Russian literature. Nominations representing fiction correspond to the stages of a person’s knowledge of a new object: from an unknown, through an indefinite, then more definite, to a properly defined one, that is, to an identification with an already known and definite object.

The sequence of nominations in the representation of a fictional character is carried out with the help of linguistic units with the semantics of strange (*strange, strangeness, surprisingly*, etc.), indefinite-pronominal words (*something, somehow, some*, etc.) hyperonims (*creature, wretch*, etc.), syntactic constructions (*whether ... , whether ... ; not that ... , not that ... ; not ... , not ... , but ...*). An identifying nomination or the proper name completes the representation of an occasional fictional being in a literary text.

For example, in the “Tale” by S. Yursky, a fictional character is defined through the hyperonim *being*, then the features of this being are given: *a fat body; a tiny head with a wrinkled forehead; a pinkish, like a rat tail*. The representation of a fictional being is completed with his direct speech: – *And what else can I do with you? squeaks the monster. – I am **the Bird-Gentleman Felix Maria Udal-Man**.*

Among the means of representation of fictitious beings, whose nominations are absent in the Russian language picture of the world, there is also a pronoun of the third person, singular, the middle genus *it* and its pronominal substance, which in the literary text is often marked graphically (with capital letters or italics). So, for example, in V. Postnikov’s fairy tale “The Amazing Adventures of the Evil Spirit,” a fictional

character, unknown to the typical creatures of the lower mythology (Leshy, Kikimora, Baba-Yaga and Domovoy) is represented:

– *Who is it – IT? – goggling his eyes, asked Leshy.*

As our research has shown, for the representation of occasional fictional beings, means of expressing various functional and semantic categories are used. These are the functional and semantic categories of uncertainty¹, uncertainty², aposiopesis³, inexpressible⁴.

Specificity of nominations of occasional fictional creatures is that they do not have integral specific images in the Russian language picture of the world. Accordingly, such nominations can not be attributed to a specific vocabulary, which denotes objects of the imaginary world. This nomination with an “empty denotation”. Meanwhile, nominations with an empty denotation have the greatest expressive potential in the literary text. An empty denotation of the nomination of a fictional being intrigues the reader, awakens his imagination. In general, the task of the master of the literary word is to fill the emptiness of the denotation, to replace it with a formed, holistic image of a fictional being.

The most memorable and expressive among the nominations of occasional fictional beings is the acceptance of the preservation of uncertainty. These are examples in which, throughout the text, the author does not fully elaborate on what a given fictional being looks like, identification with the cognised object turns out to be incomplete.

In the Russian literature, the example of this is F. Sologub’s novel “The Petty Devil.” It is an indefinite creature that visits from time to time the main character – Peredonov, it is not named, not described and not characterized. The reader does not know whether the creature is anthropomorphic, what its parts of the body are, if it has arms, legs, tail, wings?

Approximately in the middle of this novel there is an episode of the appearance of a fictional being – *nedotykomka*.

One strange circumstance confused him. From somewhere came an amazing creature of vague outlines, a small, gray, brisk nedotykomka (F. Sologub. Petty Devil).

In the representation there are lexemes with the semantics of strange (*strange, surprising*), with the semantics of uncertainty (*vague outlines*), the hyperonym (*creature*), occasionalism (*nedotykomka*).

¹ Акимова О. Б. Семантика неизвестности и средства её выражения в русском языке. – М.: МПУ, – 1999. – 169 с.

² Сеничкина Е. П. Специфика категории неопределенности в русском языке: Учеб. пособие к спецкурсу. – М.: Московский гос. ун-т печати, – 2004. – 76 с.

³ Иванян Е. П. Репрезентация семантики умолчания в современном русском дискурсе// Балтийский гуманитарный журнал. – 2015. – № 1 (10). – С. 33–35.

⁴ Михайлова М. Ю. Семантика невыразимого в языке и речи: монография. – Самара: СГСПУ, – 2017. – 244 с.

Deficiency in the features of the fictional creature is partially filled by epithets: *gray*, *brisk*, *faceless*. Among the variety of epithets, one is fixed, becomes permanent (*gray*). So this fictional being is represented in F. Sologub's poem "*Nedotykomka is gray*". As the plot develops, the *nedotykomka* is accompanied by different epithets: *dirty*, *wild*. In the culminating episode of the novel, it is endowed with epithets *flaming*, *fiery*.

Thanks to the acceptance of the preservation of the uncertainty, the image of the fictitious creature of the *nedotykomka* created by F. Sologub caused great interest among the contemporaries of the writer and offsprings. A. Blok, A. Bely tried to find out what *nedotykomka* was. M. Prishvin, K. Chukovsky and many others interpreted the concept of *nedotykomka*. In the Russian discourse of the 20th – 21st centuries the word "*nedotykomka*" and the word combination "*gray nedotykomka*" became precedent.

Another example of preserving the uncertainty in the representation of an occasional fictional being in the Russian literature is D. Emets's novel "The Great Something." *The Great Something* takes different forms, fulfills the plot-forming function in the novel, awakens the attention of the reader.

In Anglo-Saxon culture, an expressive example of the use of the mean of the preservation of uncertainty in the representation of an occasional fictitious being is S. King's novel "It" (It). There, too, the being does not intend from the real world to change its forms, intrigues the reader, the nominations carry out a plot-forming function. But in order for the dialogue between the author and the reader to occur, the gates of interaction of cultural experiences were opened, the author should make certain author's messages¹.

Concluding the characterization of the features of the representation of fictional creatures in an artistic text, we conclude the following. Fictional creatures in a literary work are an important means of expressing an author's idea. There is a model for the representation of a fictional being. Of the two types of nominations of fictional beings (the usual ones, with a fully formed image in the extensional and occasional, with the "empty denotation"), the second has the greatest expressive potential. For the representation of occasional fictional beings in the Russian literature, the means of expressing the functional and semantic categories of uncertainty, unknown, inexpressibility and silence are used. Accepting the preservation of uncertainty in the representation of occasional fictitious beings in an optimal way awakens the attention and imagination of the readers, prompts for interpretations.

References:

1. Акимова О. Б. Семантика неизвестности и средства её выражения в русском языке. – М.: МПУ, – 1999. – 169 с.

¹ Хусиханов А. М. Опыт герменевтического анализа художественной реальности писателя (на примере рассказа Леонида Андреева «Жили-были») // Литературное обозрение: история и современность. – Махачкала: Дагестанский гос. пед. ун-т, – 2015. – № 5 (5). – С. 130.

2. Иванян Е. П. Репрезентация семантики умолчания в современном русском дискурсе // Балтийский гуманитарный журнал. – 2015. – № 1 (10). – С. 33–35.
3. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: учеб. пособие. – М.: Эдиториал УРСС, – 2000. – 352 с.
4. Михайлова М. Ю. Семантика невыразимого в языке и речи: монография. – Самара: СГСПУ, – 2017. – 244 с.
5. Сеничкина Е. П. Специфика категории неопределенности в русском языке: Учеб. пособие к спецкурсу. – М.: Московский гос. ун-т печати, – 2004. – 76 с.
6. Хусиханов А. М. Опыт герменевтического анализа художественной реальности писателя (на примере рассказа Леонида Андреева «Жили-были») // Литературное обозрение: история и современность. – Махачкала: Дагестанский гос. пед. ун-т, – 2015. – № 5 (5). – С. 130–133.

*Naumovich Tetiana Valentinovna,
PhD student of the Department of Germanic and Finno-Ugric Philology
Kyiv National Linguistic University
E-mail: naumovich_tv@i.ua*

REFLECTION OF MYTHOLOGICAL NOTIONS ABOUT TIME AND SPACE IN THE PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE GERMAN LANGUAGE

*Наумович Тетяна Валентинівна,
аспірант кафедри германської та фіно-угорської філології
Київського національного лінгвістичного університету
м. Київ, Україна
E-mail: naumovich_tv@i.ua*

ВІДОБРАЖЕННЯ МІФОЛОГІЧНИХ УЯВЛЕНЬ ПРО ЧАС ТА ПРОСТІР У ФРАЗЕОЛОГІЧНИХ ОДИНИЦЯХ НІМЕЦЬКОЇ МОВИ

Анотація: У статті розглянуто міфологічні уявлення давніх германців як складові світогляду, виразники цілепокладання архаїчної свідомості, витоки часо-просторового сприйняття світу. Сформульовано сутність міфологічних уявлень та їх вплив на формування мовних номінацій на позначення часо-просторових зв'язків у німецькій мові. Проаналізовано фразеологічні одиниці німецької мови, в основу яких лягли міфологічні уявлення.

Ключові слова: міфологічні уявлення, світогляд, архаїчна свідомість, просторовий та часовий континуум, національно-культурна специфіка, мовна номінація, фразеологічна одиниця.

Для лінгвістики характерні «дослідження мовних одиниць у аспекті особливостей фіксації ними культурологічно значимих явищ і характеристик буття»¹. Оскільки «... міфологічні уявлення, будучи рудиментами міфологічного мислення, затрималися у віруваннях, звичаях, обрядах...»², вони є частиною того, що є культурним за своєю суттю. Зважаючи на зв'язок між культурою народу та

¹ Колесник О. С. Принципи функціонування міфологічного простору: лінгвокультурологічний вимір [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://www.stationline.org.ua/filologiya/87/15716-principi-funkcionuvannya-mifologichnogo-prostoru-lingvokulturologichnij-vimir.html> (дата звернення 12.01.2017 р.). – Назва з екрана.

² Мишанич М., Мишанич С. Міф, міфологія, міфологізм, міфокритика, міфопоетика: історія інтерпретації і розмежування понять / Мотря Мишанич, Степан Мишанич. – Донецьк: Норд, 2002. – 49 с.

його національною мовою, закономірним є дослідження “міфологічних слідів” у фразеологічних одиницях, які є «апеляцією до певного культурного концепту (концептів)»¹, «експонентами культурних знаків культурно-національної системи саморозуміння»², «вербальною мікроструктурою, яка є плодом творчого сприйняття та відображення світу, засобом експресивності, в утворенні якого беруть участь як лінгвістичні, так і екстралінгвістичні фактори»³. Дослідження національно-культурної специфіки фразеологічних одиниць з позицій лінгвокультурологічного підходу, власне, і передбачає виявлення сукупності наївних уявлень носіїв мови про ту чи іншу культурну реальію.

Суперечки та теоретизування з приводу визначення міфологічних уявлень у структурі світогляду та їх впливу на формування мовних номінацій продовжуються до цих пір. Можна погодитися з твердженням, що міфологічні уявлення «трансформувались <... > у релігійну, фольклорну, наукову системи, залишивши в культурі людства помітні сліди, що тягнуться до наших днів»⁴. Пильна увага, прикута до вивчення суті міфологічних уявлень, на нашу думку, можна пояснити такими чинниками: 1) основою міфологічних уявлень є чуттєво-конкретні образи. Як би далеко не сягали абстракції при описі дійсності, у з'ясуванні їх реального змісту потрібно так чи інакше повертатися до самих її витоків, тобто шарів чуттєво-понятійного сприйняття світу⁵; 2) міфологічні уявлення є «першим вираженням свідомості людини причинних зв'язків між явищами»⁶, які стають основою інших, зокрема, часо-просторових, відношень; 3) відповідаючи на питання чому?, яким чином?, міфологічні уявлення є виразником цілепокладання, тобто цілей, які архаїчна свідомість екстраполює як на себе, так і на світ, що її оточує. «Уже самі цілі, які ставить перед собою людина, здатні розказати багато про її менталітет, про ті регулятивні конструкції, які володіють її розумом»⁷.

¹ Зыкова И. В. Способы конструирования гендера в английской фразеологии [Текст] / И. В. Зыкова. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – С. 197.

² Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / Вероника Николаевна Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

³ Башиева С. К. Стилистический компонент фразеологического значения: автореф. дис. на соискание уч. степени д-ра филол. наук: 10.02.01 «Русский язык», 10.02.19 «Общее языкознание» / С. К. Башиева. – Краснодар, 1995. – С. 3.

⁴ Мишанич М., Мишанич С. Міф, міфологія, міфологізм, міфокритика, міфопоетика: історія інтерпретації і розмежування понять / Мотря Мишанич, Степан Мишанич. – Донецьк: Норд, 2002. – 49 с.

⁵ Бор Н. Единство знаний [Текст] / Нильс Бор // Избр. науч. труды: В 2-х т. – Т. 2. – М., 1971.

⁶ Турсунов А. От мифа к науке: (Эволюция космологической картины) [Текст] / Акбар Турсунов. – М.: Политиздат, 1973. – С. 22.

⁷ Режабек Е. Я. Мифомышление (когнитивный анализ) [Текст] / Евгений Ярославович Режабек. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – С. 199.

Осягнення суті та структури всесвіту, визначення свого місця, ролі, цілей в ньому на основі чуттєво-понятійного сприйняття в епоху донаукового мислення, коли міфічні метафори та образи були чи не єдиними засобами самосвідомості людства, не можливо без міфу. «Міф є оповіддю, побудованою на певних логічних, несвідомих операціях, події в якому розгортаються відповідно до певним правил та утворюють свою структуру, спільну як для минулого, так і теперішнього та майбутнього»¹.

В узагальненому вигляді, міфологічні уявлення стародавніх германців базувалися на існуванні світового дерева Ігдрасілля. Входячи своїми коренями глибоко в землю та сягаючи своєю кроною неба, Ігдрасілля є зменшеною копією, дзеркалом всесвіту, просторовим континуумом, у якому все існує. Зазначимо, що корені світового дерева в уявленні давніх германців простягаються в трьох різних напрямках: до світу мертвих, світу людей та до пристанища гігантів². Світове дерево знаходилося у центрі всесвіту, що промовисто свідчить про його символічне наповнення. Показово, що Ігдрасілля як просторове вмістилище в уявленнях давніх германців, будучи медіатором світу мертвих, живих та гігантів, відображає тріаду, переплітаючись таким чином з уявленнями про час, який підвласний, згідно свідомості міфологічного суб'єкта, трьом богиням долі — норнам, які граючись нитками долі, обриваючи їх, постають символами трьох часових проміжків: того, що було, того, що є / існує, того, що настане.

Ці міфологічні уявлення лягли в основу фразеологічних одиниць: *es hängt an einem (seidenen) Faden*³, *jmdm. den Lebensfaden abschneiden*⁴, *sein Leben hängt nur noch an einem Faden*⁵. У виразах *die Erde sei ihm leicht*⁶, *wieder zu Erde werden*⁷, *im Schoß der Erde ruhen*⁸, *j-n deckt die kühle Erde*⁹ земля уособлює символ Нижнього

¹ Турсунов А. От мифа к науке: (Эволюция космологической картины) [Текст] / Акбар Турсунов. – М.: Политиздат, 1973. – С. 24.

² Goll Hermann. Germanische Mythologie [Електронний ресурс]. Режим доступу: velesova-sloboda.vho.org/archiv/pdf/goell-germani (дата звернення 27.01.2017 р.). – Назва з екрана.

³ Німецько-український фразеологічний словник. В 2-х т. / [укладачі В. І. Гаврись, О. П. Пророченко]. – К.: Рад. школа, 1981. – Т. 1. – 416 с. – Т. 2. – С. 191.

⁴ Немецко-русский фразеологический словарь / под ред. Л. Э. Бинович, Н. Н. Гришина. – 2-е. испр., доп. изд-во. – М.: Русский язык, 1975. – С. 365.

⁵ Німецько-український фразеологічний словник. В 2-х т. / [укладачі В. І. Гаврись, О. П. Пророченко]. – К.: Рад. школа, 1981. – Т. 1. – 416 с. – Т. 2. – С. 218–219.

⁶ Там же. – С. 182.

⁷ Там же. – С. 183.

⁸ Немецко-русский фразеологический словарь / под ред. Л. Э. Бинович, Н. Н. Гришина. – 2-е. испр., доп. изд-во. – М.: Русский язык, 1975. – С. 496.

⁹ Німецько-український фразеологічний словник. В 2-х т. / [укладачі В. І. Гаврись, О. П. Пророченко]. – К.: Рад. школа, 1981. – Т. 1. – 416 с. – Т. 2. – С. 182.

світу¹, є своєрідною межею від усього, що знаходиться зверху, угорі. Середній світ. де мешкали прості люди, та Верхній світ богів-асів, які знаходилися вгорі, часто асоціювалися з «раєм». Відповідно, усі рухи, направлені донизу, мають негативну конотацію: j-n unter den Boden bringen², zu Boden schlagen (або werfen)³, j-n zu Boden strecken (або hauen)⁴, etw. dem Erdboden gleichmachen⁵, j-n unter die Erde bringen⁶, am Boden liegen⁷, in Grund und Boden verdorben sein⁸. У фразеологічних одиницях німецької мови, все, що прагне вгору, до неба, наділене позитивними конотаціями: j-n, etw. bis zu den Sternen erheben⁹, seinen Höhepunkt erreichen¹⁰, auf der Höhe sein¹¹, sich oben halten¹², nach oben klettern¹³, obenauf kommen¹⁴, (wieder) obenauf sein¹⁵, immer obenauf sein¹⁶. Отже, міфологічний наївний світогляд німецького етносу лежить в основі значної кількості фразеологічних одиниць, лінгвокультурологічний аналіз яких допомагає зрозуміти цілепокладання, особливості німецького менталітету, а також погляди щодо часу та простору.

Список літератури:

1. Башиева С. К. Стилистический компонент фразеологического значения: автореф. дис. на соискание уч. степени д-ра филол. наук : 10.02.01 «Русский язык», 10.02.19 «Общее языкознание» / С. К. Башиева. – Краснодар, 1995. – 38 с.

¹ Михайлишин У.І. Відображення космогонічної картини світу у фразеологічних одиницях німецької мови: дис ... канд. філол. наук / Уляна Іванівна Михайлишин. – Київ, 2010. – С.74.

² Німецько-український фразеологічний словник. В 2-х т. / [укладачі В. І. Гаврись, О. П. Пророченко]. – К.: Рад. школа, 1981. – Т. 1. – 416 с. – Т. 2. – С.116.

³ Там же. – С.116.

⁴ Там же.

⁵ Там же. – С. 181–182.

⁶ Там же. – С. 182.

⁷ Там же. – С. 115.

⁸ Там же. – С.284.

⁹ Немецко-русский фразеологический словарь / под ред. Л. Э. Бинович, Н. Н. Гришина. – 2-е. испр., доп. изд-во. – М.: Русский язык, 1975. – С. 580.

¹⁰ Там же. – С. 304.

¹¹ Там же. – С. 294.

¹² Там же. – С. 84.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. – С.85.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Німецько-український фразеологічний словник. В 2-х т. / [укладачі В. І. Гаврись, О. П. Пророченко]. – К.: Рад. школа, 1981. – Т. 1. – 416 с. – Т. 2. – С. 85.

2. Бор Н. Единство знаний [Текст] / Нильс Бор // Избр. науч. труды: В 2-х т. – Т. 2. – М., 1971.
3. Зыкова И. В. Способы конструирования гендера в английской фразеологии [Текст] / И. В. Зыкова. – М. : Эдиториал УРСС, 2003. – 232 с.
4. Колесник О. С. Принципи функціонування міфологічного простору: лінгвокультурологічний вимір [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://www.stattionline.org.ua/filologiya/87/15716-principi-funkcionuvannya-mifologichnogo-prostoru-lingvokulturologichnij-vimir.html> (дата звернення 12.01.2017 р.). – Назва з екрана.
5. Михайлишин У. І. Відображення космогонічної картини світу у фразеологічних одиницях німецької мови : дис ... канд. філол. наук / Уляна Іванівна Михайлишин. – Київ, 2010. – 210 с.
6. Мишанич М., Мишанич С. Міф, міфологія, міфологізм, міфокритика, міфопоетика : історія інтерпретації і розмежування понять / Мотря Мишанич, Степан Мишанич. – Донецьк: Норд, 2002. – 49 с.
7. Черноволенко В. Ф. Мироззрение и научное познание [Текст] / Вилен Филиппович Черноволенко. – Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1970. – 173 с.
8. Режабек Е. Я. Мифомышление (когнитивный анализ) [Текст] / Евгений Ярославович Режабек. – М. : Эдиториал УРСС, 2003. – 304 с.
9. Телия В. Н. Русская фразеология : семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / Вероника Николаевна Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
10. Турсунов А. От мифа к науке: (Эволюция космологической картины) [Текст] / Акбар Турсунов. – М.: Политиздат, 1973. – 152 с.
11. Goll Hermann. Germanische Mythologie [Електронний ресурс]. Режим доступу: velesova-sloboda.vho.org/archiv/pdf/goell-germani (дата звернення 27.01.2017 р.). – Назва з екрана.
12. Немецко-русский фразеологический словарь / под ред. Л. Э. Бинович, Н. Н. Гришина. – 2-е испр., доп. изд-во. – М. : Русский язык, 1975. – 656 с.
13. Німецько-український фразеологічний словник. В 2-х т. / [укладачі В. І. Гавриць, О. П. Пророченко]. – К. : Рад. школа, 1981. – Т. 1. – 416 с. – Т. 2. – 382 с.

Contents

Section 1. Linguistics	3
<i>Bakasheva NatalyaSultanovna</i> THE PECULIARITIES OF NON-EQUIVALENT FINANCIAL TERMS TRANSLATION FROM ENGLISH INTO RUSSIAN.....	3
<i>Dr. Kapurani Evis, Korçë</i> THE INFLUENCE OF CHILDREN ON ADULTS' SECOND LANGUAGE SOCIALIZATION	9
<i>Sanjyarova Nailya Smadjyarovna</i> DEFINITION OF REDUPLICATION.....	13
<i>Sanjyarova Nailya Smadjyarovna, Mussabayeva Zarema Timurovna</i> TEACHING TRANSLATION AS ONE OF THE MEANS OF TEACHING KAZAKH STUDENTS PROFESSIONAL RUSSIAN LANGUAGE IN A TECHNICAL UNIVERSITY	18
<i>Çanta, Agnesa</i> SEMANTIC AND GRAMMATICAL CLASSIFICATION OF NOUNS IN ENGLISH AND ALBANIAN.....	23
Section 2. Literature	36
<i>Dr. Evis Kapurani, Korçë</i> SHAKESPEARE AND WOMAN CHARACTER IN LOVE AND JEALOUSY TRAGEDIES	36
Section 3. Philology and linguistics	41
<i>Adjabi Yassine</i> DIE SPRACHE ALS UNERLÄSSLICHES VEHIKEL DER KULTURELLEN IDENTITÄT	41
<i>Bazylevych Nataliia</i> LEXICAL AND STYLISTIC DEVICES IN W. CHURCHILL'S DISCOURSE OF REFLECTION	50
<i>Bozhko Yuliia Oleksandrivna</i> LEXICO-GRAMMATICAL PECULIARITIES OF PHRASEOLOGICAL UNITS OF PREPOSITIONAL – CASE MODEL.....	55

Mikhailova Marina Yurevna

FICTIONAL CREATURES REPRESENTATION FEATURES IN
THE LITERARY TEXT61

Naumovich Tetiana Valentinovna

REFLECTION OF MYTHOLOGICAL NOTIONS ABOUT TIME
AND SPACE IN THE PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE
GERMAN LANGUAGE66